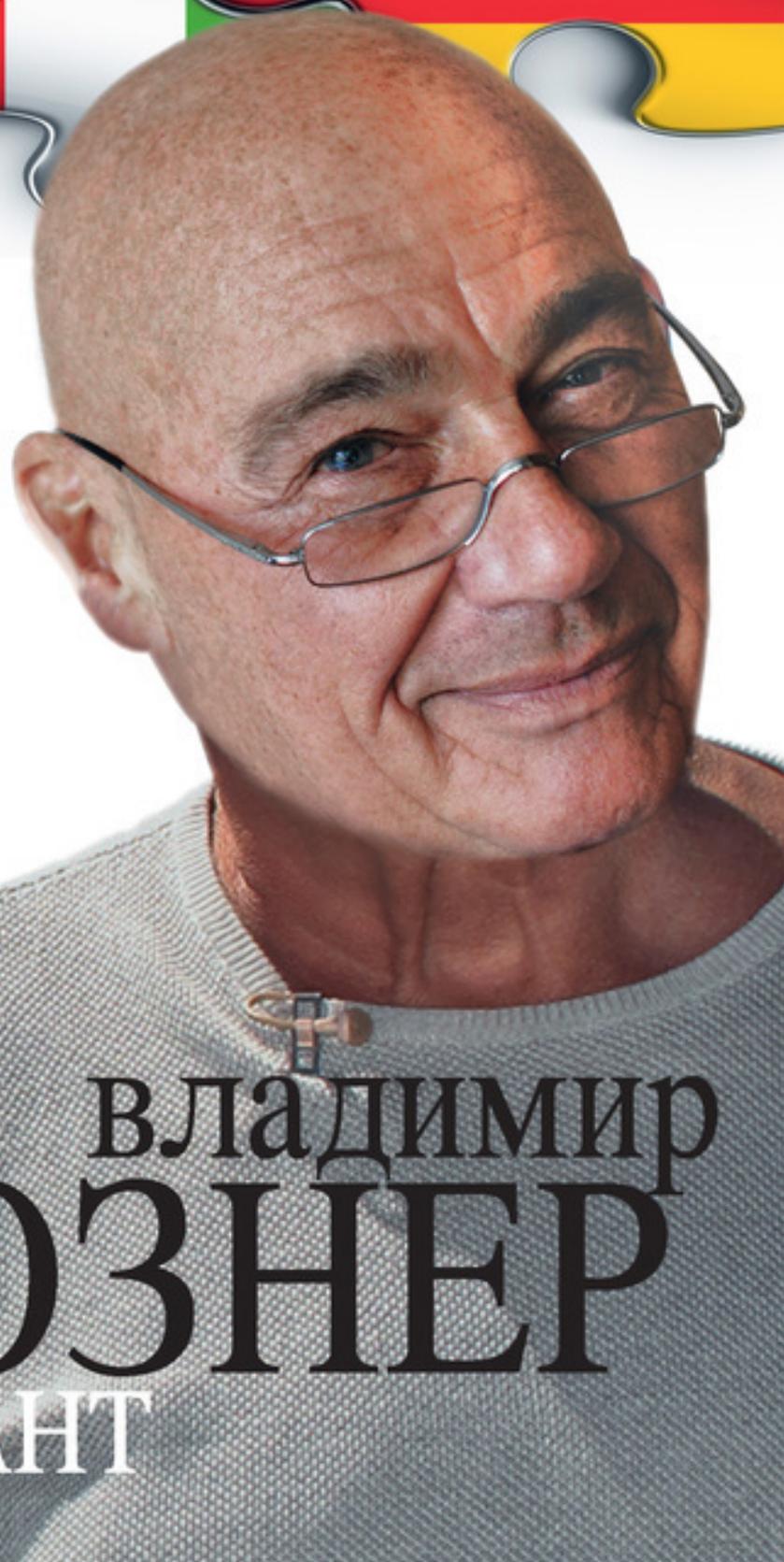

Тур де Франс Их Италия

Германская
ГОЛОВОЛОМКА
ВИДЕОКНИГА
полная версия!

Владимир

ПОЗНЕР

ИВАН УРГАНТ

Владимир Познер
**Тур де Франс. Их
Италия (сборник)**

«АСТ»
2011, 2013

Познер В. В.

Тур де Франс. Их Италия (сборник) / В. В. Познер — «АСТ», 2011, 2013

Владимир Познер – неутомимый путешественник приглашает вас в удивительное путешествие по Европе. Все самое интересное и вкусное о Франции, стране, которая невероятно близка нам по духу. Французская кухня и вина, кино и женщины, замки и рыбацкие деревушки. Вы узнаете о самых колоритных традициях и о том, что же такое сегодняшняя Франция. Говорят, быть французом – значит защищать свое искусство жить. Так оно и есть... Чтобы понять людей, культуру, традиции и кухню одной из самых притягательных стран мира Владимир Познер поговорил с 15 знаменитыми итальянцами, причем всем задал два вопроса: «Представьте себе, что я могу поехать только в одно-единственное место в Италии, – куда мне отправиться?» и «Если бы я смог съесть только одно итальянское блюдо, то каким бы оно было и где его лучше всего готовят?» Эти ответы, на наш взгляд, позволят узнать об Италии больше, чем все путеводители вместе взятые! DVD прилагается только к печатному изданию.

© Познер В. В., 2011, 2013

© АСТ, 2011, 2013

Содержание

Тур де Франс	6
Что-то вроде предисловия	6
Глава 1	20
Глава 2	40
Глава 3	66
Глава 4	92
Глава 5	110
Глава 6	116
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Владимир Познер

Тур де Франс. Их Италия

© Познер В. В., 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Тур де Франс Путешествие по Франции с Иваном Ургантом

Что-то вроде предисловия

Когда в 2006 году я и мои товарищи приступали к подготовительной работе по съемкам фильма «Одноэтажная Америка», я не знал ровно ничего. Получится или не получится? Покажут или не покажут? Буду ли доволен результатом я сам?

Фильм вышел на экране Первого канала в 2008 году и прошел с большим успехом, хотя приняли его далеко не все. Мои коллеги по Академии российского телевидения возможным не только наградить эту работу, но даже выдвинуть ее в состав трех финалистов, претендовавших на ТЭФИ. Но была и радость: фильм был удостоен НИКИ Киноакадемии.

И все же одного тогда я не знал. Я не знал, что сам процесс создания документального фильма – это нечто, похожее на наркотик. Ты сам не замечаешь, как медленно-медленно западаешь на это, как оно исподтишка забирает тебя. И вот, когда все было позади, когда жизнь вновь вошла в привычное русло, я стал испытывать какой-то дискомфорт. Я понял, что мне чего-то не хватает.

Помню, однажды Белла Ахмадулина назвала свою работу «сладостной мукой». Так можно сказать о любом творчестве. В том мука, что, как бы ты ни старался, ты никогда не достигнешь того, к чему стремился; сладость же – в самом стремлении. Испытав однажды это чувство, ты вновь и вновь ищешь встречи с ним.

Документальный фильм «Тур де Франс» не планировался: уж больно тяжело далась «Одноэтажная...», слишком уж много она забрала сил. Но сколько было радости, сколько было счастья!

Был, конечно, и еще один момент. Для меня работа над «Одноэтажной...» была своего рода «трудом любовным». И не только потому, что Америка для меня родная страна, нежно

любимая. И не только потому, что мне так хотелось показать россиянам *мою* Америку, столь разительно отличающуюся от той, которую обычно показывают по нашему телевидению, которую описывают на страницах газет, журналов и книг, которую иные шельмуют с эстрады. Но еще и потому, что я давно, почти тридцать лет, мечтал повторить путешествие Ильи Ильфа и Евгения Петрова, авторов одной из лучших книг, когда-либо написанных об этой стране, «Одноэтажной Америки».

Но ведь родился-то я не в Америке, а во Франции! Моя мать была француженкой, дома мы говорили только по-французски, да и весь уклад был французским. Я люблю Францию ничуть не меньше, чем Америку, и пусть в России антиамериканизма на порядок больше, чем франкофобии, мне было важно средствами документального кино заставить российского зрителя увидеть Францию не внутри ходульной схемы «бонжур-тужур-лямур», а реальной, прекрасной и желанной.

Сейчас, когда я пишу эти слова, фильм находится в стадии монтажа. И я вновь не знаю – получится или нет? Но вы, взяв в руки эту книгу, уже знаете ответ на этот вопрос. И значит, вам виднее.

Последует ли за «Туром...» еще один фильм?

Кто знает?..

QUI ИЗ КТО И КТО ИЗ QUI

Все понимают, что фильм – это дело коллективное. Авторы книг считают необходимым предварять свои произведения благодарственным списком, иногда коротким, а чаще очень нудным и длинным. Я неизменно задаюсь вопросом, читая перечисления этих фамилий: а кто это, а кто этот имярек? Как он или, может, она выглядит? Какой у него или у нее характер? А ведь это несправедливо: если человек так сильно помог тебе, что ты счел необходимым публично и печатно признаться в этом, то можно было бы и рассказать о нем чуть-чуть.

Одному, будь ты хоть семи пядей во лбу, кино не сделать. Поэтому я хочу представить вам, читателям, всю нашу команду в алфавитном порядке. И представить не в виде списка фамилий, которые никому ничего не скажут, а как реальных людей. Итак...

Олег БРАУН – водитель второй части поездки (сентябрь – октябрь 2009 г.). Сам из Воронежа, музыкант, то ли басист, то ли ударник – не помню. Там познакомился с француженкой. Поженились, переехали во Францию. Сделал своей жене четырех сыновей. Поскольку она работала, а он – нет, был домохозяйником. Человек немногословный, курящий, рукастый, услужливый, читающий. Не очень общительный. Вроде как непьющий. Не проявлял почти никакого интереса к тому, что мы делали. Когда мы уходили на съемки, все время оставался в машине, хотя его звали. Внешне довольно симпатичный – высокий, хорошо сложен, брюнет. У нас создалось впечатление, будто за все время поездки не сменил ни брюк, ни обуви, ни рубашки. Может, у него было несколько совершенно одинаковых комплектов. В работе безотказен и точен. Фамилия Браун – от поволжских немцев-предков.

Робен ДИМЭ (**DIMET Robin**) – француз; небольшого росточка, худой, шатен, носит бородку и очки. Мой персональный крест. В «Одноэтажной...» в качестве «американского голоса» фигурировал мой друг Брайан Кан. Он не говорил по-русски, что не имело значения, поскольку Ваня Ургант прилично говорит по-английски и еще лучше понимает его. Зато Брайан *говорит*. Много. И толково. Но Ургант по-французски не говорит и ни слова не понимает. Значит, мне нужен был «французский голос», который мог бы по-русски высказывать «французский взгляд» по тому или иному поводу. Еще на раннем, подготовительном этапе я ездил в Париж, чтобы подобрать этот «французский, но говорящий по-русски голос». В этом мне помогала жена Олега Брауна Элизабет Браун, работавшая в организации «Франскюльтур».

Элизабет, кстати говоря, прекрасно говорит по-русски. И при этом совершенно очаровательна: иссиня-черные волосы, матово-белая кожа, тонкие черты лица, изящна, умна, остроумна – словом, прелесть. Но Элизабет никак не могла отлучаться из дома на два месяца, что требовалось от «французского голоса». И вот в одном полузальчике гостиницы «Риц», что стоит на Вандомской площади, она устроила мне собеседование и прослушивание кандидатов на «французский голос». И из всех я выбрал Робена. Как это получилось – ума не приложу! То ли мне показалось, что он прилично говорит по-русски, то ли меня пленило то, что он сам начинающий кинодокументалист и к тому же успел снять одну картину, то ли... не знаю. Словом, выбрал – на свою голову. Во-первых, оказалось, что он очень плохо говорит по-русски, настолько плохо, что не способен выразить даже самую скудную свою мысль. Во-вторых, и мыслей особых я у него не обнаружил. Ни по одному из обсуждаемых или увиденных нами предметов у Робена не было никакой точки зрения. В общем, мы расстались с ним на половине пути. Не то что без сожалений – с облегчением!

Анна КОЛЕСНИКОВА, линейный, а затем исполнительный продюсер. Попробуйте представить себе женщину лет двадцати восьми, высокого модельного роста, с хорошей фигурой. Представили? Пошли дальше: волосы темные, кудрявые, обычно в лирическом беспорядке, темные брови на довольно бледном лице, карие глаза. Есть? Далее: сочные и обычно смеющиеся губы. И слова сыплются, почти никогда не останавливаясь. Аня Колесникова умеет говорить не только на выдохе, но и на вдохе, да на такой скорости, что диву даешься. При этом, как правило, говорит толково, выказывая эрудицию, юмор и ум. Точна, ответственна. Если поймана на ошибке, будет выкручиваться до последнего, но поняв, что не выкрутилась, потупит очи долу и скажет: «Извините, я постараюсь это исправить».

И еще: Аня одевается... как бы это вам сказать? Слово «мало» не слишком подходит, но все-таки оставим так: Аня одевается мало. Понятное дело, наши съемки проходили в основном летом, было жарко, все мы одевались легко. А Аня одевалась мало. Как хотите, так и думайте. Работала же она много и хорошо, почему и выросла от продюсера линейного до продюсера исполнительного. Да, если вы этого еще не поняли, добавлю: очень хороша собой.

Владимир КОНОНЫХИН. Член нашей «американской» команды, о котором в книжке «Одноэтажная Америка» я написал: «Человек поразительного спокойствия, молчаливый, от которого веяло необыкновенно приятной уверенностью. Все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, чтобы на любой скорости и при любых погодных условиях они стояли столь же твердо и незыблемо, как Гибралтар». Добавить к этому нечего. Каким он был, таким остался. Работать с таким человеком – сплошное удовольствие. Совершенно русский во всем, кроме одного: никогда не жалуется, никогда не говорит «нет», не пьет и всегда в хорошем настроении.

Салман МУРТАЛАЗИЕВ. Водитель первой половины нашей поездки – с мая по июль 2009 г. Чеченец, проживающий во Франции вот уже восемь лет. В группе ощущался явный дефицит французского языка, которым владели только Аня (хорошо), Маша (средне) да я, а потом присоединившийся к нам Олег. Нам необходим был водитель, говорящий по-французски. Салмана нам порекомендовала Маша Нестеренко. Человек безотказный, приветливый, старательный. И какой-то неприметный. Мне даже трудно вспомнить, как он выглядел. Роста среднего, худощавый, лысоватый. Лицо... незапоминающееся. Должен был присоединиться к нам и во второй части поездки, но исчез. Звонили ему на все известные нам телефоны, но безуспешно: телефоны молчали. Исчез. Может быть, это было связано с тем, что мы расстались с Машей?

Иван Ургант, Владимир Познер и дамы их сердец – Наталия Кикнадзе и Надежда Соловьева

Мария НЕСТЕРЕНКО. Исполнительный продюсер в первой половине нашей поездки, с которой ни у меня, ни у съемочной группы в целом не сложились отношения. Этим ограничусь.

Юрий ОДНОПОЗОВ. Вот о ком можно было бы написать отдельную главу! Он возник по рекомендации Валерия Спирина, режиссера фильма «Одноэтажная Америка», который, к нашему большому сожалению, с нами поехать не смог. Итак: роста он среднего, телосложения плотного. Крупная голова с редяющими черными волосами. Мощные надбровные дуги, из-под которых внимательно и чуть насмешливо смотрят черные глаза. Лицо приятное, с четкими, хотя и не крупными чертами. Прелестная, хотя появляется она редко, улыбка. Говорит Юра мало, к тому же говорит не столько словами, сколько руками. Пытается жестами прояснить смысл сказанного. Например, вот он машет руками: «Ну, надо... это... довести, чтобы...» – и не просто машет, руки у него в это время плывут по воздуху, как бы описывая, что стоит за этим маловразумительным предложением. Вегетарианец. Лучше помрет от голода, нежели съест что-нибудь животного происхождения. В случае необходимости может работать круглосуточно. О том, как одевается Юра, хочется сказать отдельно. Обычная его форма во Франции была такой: рваные джинсы, кроки фиолетового цвета, расписной T-Shirt. Эти предметы не снимались никогда. Шли ли съемки в театре, в здании Национальной ассамблеи Франции – это было неважно. И еще: Юра совершенно неконфликтный человек, всегда старается найти общий язык со всеми, никогда не повышает голос. И наконец, превосходный режиссер. Но при всем при этом, «вещь в себе», человек, живущий сугубо по собственным стандартам. Вы бы назвали своего сына Будимиром? А он назвал. Что будет с мальчиком, когда он пойдет в школу, даже боюсь подумать. И еще: над Юрой много шутили, в ответ на что он мягко улыбался, и только. Упрям до умопомрачения.

Евгений ПЕРЕСЛАВЦЕВ, оператор. Точнее сказать, оператор-разведчик. Где бы и когда бы мы ни снимали, не было такого случая, чтобы Женя не исчез в поисках чего-нибудь особенного. Операторам вообще свойственно лезть туда, куда не рекомендуется, но Женя даже среди операторов слыл бы рискантом. Я бы выделил его косу и любовь демонстрировать свой оголенный и весьма мускулистый торс. Женя, как и все операторы, чуть ироничен, абсолютно убежден, что разбирается во всем лучше всех, и потому категоричен в суждениях. И работает как зверь.

Надежда СОЛОВЬЕВА. Генеральный продюсер, без которой не было бы ни «Одноэтажной...», ни этого фильма. Была с нами лишь урывками, поскольку по работе должна была уезжать в Москву. Но дух ее витал над нами постоянно, поскольку ожидали ее приездов с душевным трепетом, смысл которого можно разъяснить гоголевским «К нам едет ревизор!». Надежда Юрьевна человек легкий, общительный и веселый, но если вы допустили какие-то оплошности в работе, за которую в итоге отвечает она, вас ожидает пренебрежительный разговор. Из него вы узнаете массу любопытных вещей о себе – вещей, о которых вы сами и не догадывались.

Ирина ТИХОНОВА, администратор второй части поездки. Фамилия очень соответствует человеку: тихая, маленькая, худенькая, делала свое дело без лишних слов. И ускользающая, в частности, из моей зрительной памяти. Есть такие люди – ускользающие.

Станислав ТОЛСТИКОВ, звукорежиссер. Фамилии своей он совершенно не соответствует: более худого человека я в жизни не видел. Не телосложение, а теловычитание. В своем деле совершенный профессионал, но при этом абсолютно не назойливый. Сочетал предельную вежливость с неуступчивой требовательностью во всем, что касалось его работы. Кроме того, часто бывает так, что профессионал интересуется только своим делом, его больше ничего не волнует, а Стаса всегда отличало любопытство, о чем бы ни шла речь. Не было французского блюда, которое он бы ни попробовал, не было сыра или вина, мимо которого он прошел бы равнодушно. Человек, как мне показалось, с врожденным вкусом.

*Однопозов, Кононыхин, звукооператор Станислав Толстиков и Черняев
– одна из многих трапез*

Ответственный продюсер Мария Нестеренко, Муртализев и Анна Колесникова

Наша группа: Переславцев, Кононыхин, Ургант, я, Однопозов, Толстиков, Жанин Маркудзи (наш гид), Робен Димэ (наш не слишком удавшийся «французский голос»)

Черняев пьет пиво. И это в стране лучших вин в мире!

Малоодетая Аня

Станислав Толстиков. Видимо, очень собой доволен

Володя Кононыхин. Мастер на все руки

Черняев в Альпах

Ирина Тихонова. И вправду тихая и очень ответственная

Устали...

Иван УРГАНТ, соведущий. Об Иване много писать не буду. Он, пожалуй, стал самым узнаваемым и популярным человеком на российском телевидении, так что вам всем он хорошо известен. Скажу только, что он мой близкий друг, с которым и в американской, и во французской поездках я работал с наслаждением.

Владислав ЧЕРНЯЕВ, оператор-постановщик. Он тоже из «американской команды». В той книжке я написал: «Операторы – народ особый. Они, как правило, все видели и все знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж». Как и в Штатах, Влад в течение всей поездки щеголял в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Человек неутомимый, требовательный, на все имеющий свой взгляд и свое мнение. Тоже, как и Переславцев, любитель ходить с голым и вполне привлекательным торсом.

Артем ШЕЙНИН, линейный продюсер. Кличка – Сержант. На самом деле гораздо больше, чем линейный продюсер. Был приглашен во вторую часть поездки на место Нестеренко с тем, чтобы навести порядок в несколько разболтавшейся группе. И навел. Я работаю с Артемом вот уже около десяти лет в программах «Времена» и «Познер». На фильме «Одноэтажная...» тоже были вместе, поэтому вновь процитирую книжку: «Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену... Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бритоголовый Артем Шейнин наводил военный порядок среди нашего разношерстного контингента». Шейнин превосходно владеет английским и, узнав, что едет во Францию, усиленно стал учить французский. Стал довольно сносно объясняться за необыкновенно короткий срок. Совершенно потряс меня однажды, когда мы оказались в винном подвале: за одним из столиков сидела группа японцев, и Артем стал издавать какие-то японоподобные звуки. Я решил,

что он сошел с ума и дразнит представителей Страны восходящего солнца. Не тут-то было! Оказалось, Артем говорит по-японски, чем потряс как японцев, так и всю съемочную группу!

Что ж, теперь, познакомив вас с нашей командой, приглашаю в путь, но с важной оговоркой: когда мы ехали по Америке, мы следовали маршрутом Ильфа и Петрова, повторяли их путешествие 1935–36-х годов. Они были нашими гидами. Поэтому не удивительно, что и книжка, вышедшая вслед за фильмом, строго придерживалась этого путешествия. Во Франции же у нас не было такого «путеводителя», нам самим надо было решать, куда едем и главное – зачем. Составляя план нашего тура¹, я исходил из того, в какой степени тот или иной город, тот или иной регион может помочь главному: раскрыть Францию и французов для российского зрителя. Но в этом случае совершенно не имела значения последовательность, в которой мы посещали различные места. Важным было то, в какой степени это место может приблизить нас к поставленной цели.

Так не удивляйтесь тому, что эта книжка построена без хронологического соответствия нашему путешествию. Здесь каждая глава посвящена не месту, а теме, раскрытие которой должно открыть для вас, читателей, нечто такое, без чего невозможно понять и почувствовать Францию и французов.

Итак, объяснив идею и принцип этой книги, приглашаю вас совершить с нами тур – не вальса, а по Франции. За мной, друзья, за мной!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ С РАЗЪЯСНЕНИЕМ

Эта книжка состоит из двух частей: собственно книжки и дневника, который я вел во время поездки, хотя и не слишком аккуратно. Книжка – это впечатления, рассуждения, обобщения. Дневник – это дневник, где поездка изложена в хронологическом порядке. Хотелось бы думать, что они дополняют друг друга. Что читать первым – не берусь сказать, оставляю это на ваше усмотрение.

И последнее. Дневник представлен вашему вниманию точно таким, как он был написан – без каких-либо поправок, украшений и тому подобное. Возможно, стоило бы пожертвовать подлинностью ради литературного выигрыша, но делать этого я не стал. Быть может, напрасно...

---

¹ На карте Франции (см. вклейку) отмечены все пункты нашего тура.

Глава 1 Замки Луары

Нет, не передать словами красоту замков долины Луары! Ни фотографиями не передать, ни киносъемкой. В голову приходят всякого рода сравнения, вроде «музыка в камне», уже набившие оскомину. На самом деле и они мало что передают.

В первый раз я увидел эти творения суровой зимой 1979 года – года для меня особого, когда после многолетнего, в полжизни, перерыва мне было разрешено выехать из Советского Союза на мою родину. Той зимой во Франции ударили вполне русские морозы. Ртуть в термометрах опустилась до двадцати градусов ниже ноля, и страна замерзла. Вспоминались слова: «что русскому хорошо, то немцу смерть». Только «немцем» в этом случае были французы: насмерть замерзали не только клошары, не только бездомные, умирали даже в квартирах, стены которых покрывались тонким слоем наледи. Умирали не столько от реального холода, сколько от убеждения, что при таких морозах люди не живут...

Вместе с друзьями, французской супружеской парой, я поехал в долину главной французской реки Луары. Для французов она имеет такое же значение, как Волга для русских. Именно в ее долине выросли – и никто не может объяснить почему! – эти знаменитые замки, числом чуть более сорока. Некоторые из них возникли еще в раннем Средневековье и не раз были перестроены, другие – и таких большинство – были творениями Возрождения. И все они – громадные, но изящные, великолепные, но простые – стоят как живые памятники французской истории. Написал, и захотелось уточнить: они просты, как просты стихи Пушкина, в которых нет и намек на вычурность, из которых не вынуть ни одного слова. И здесь каждый камень на месте, не прибавить, не убавить.

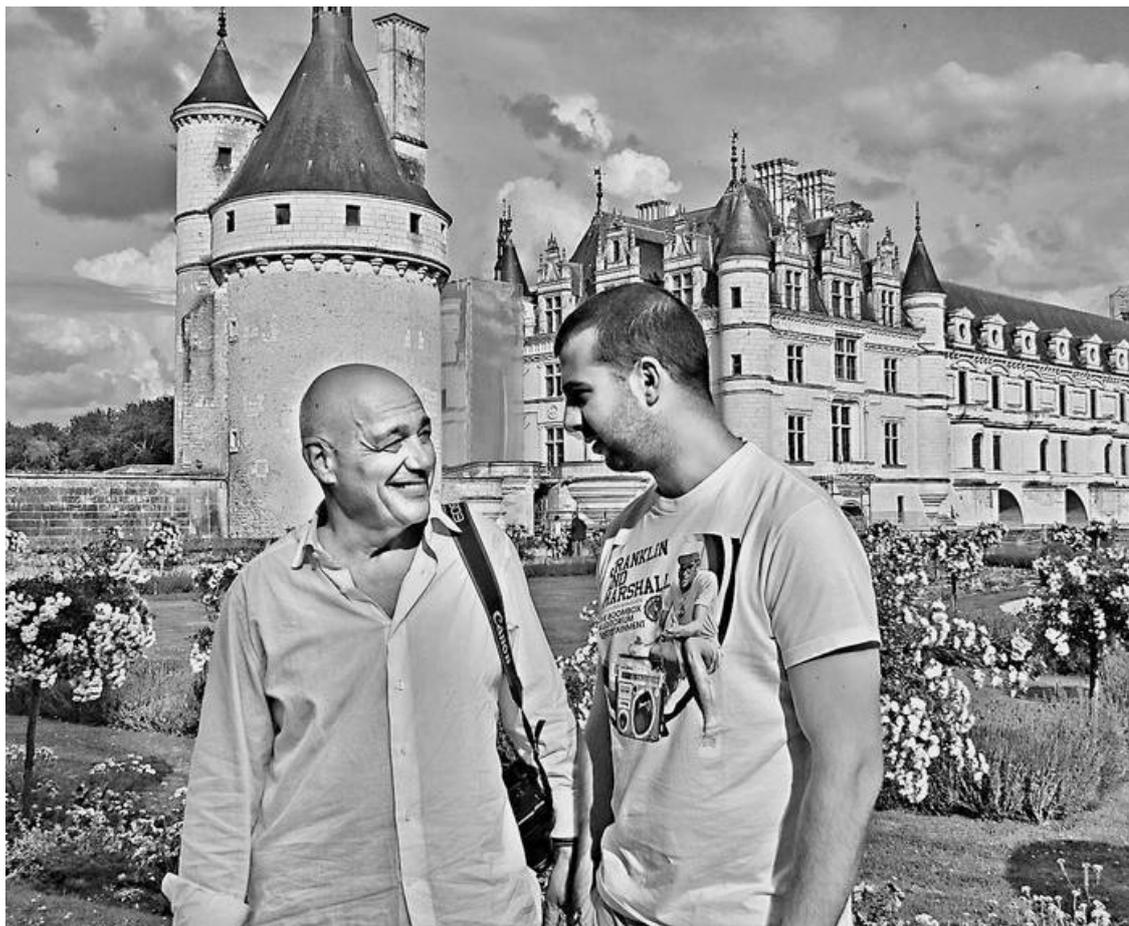
Ехали мы на стареньком «Ситроене», и километрах в сорока от Парижа отказала печка. Сказать, что мы замерзли, значит не сказать ничего. Только и мечталось о том, как обогреться – пока перед нами не возник замок Шенонсо. Возник как видение и почему-то в первый миг заставил меня подумать о миражах в пустыне. Но то был не мираж, то было гениальное творение архитекторов, оставивших о себе вечную память.

Приближаясь к Шенонсо, я думал о том далеком времени, когда люди строили так, будто перед ними вечность – да, собственно, так оно и было. Вспомнил звонницу Джотто во Флоренции: мастер спроектировал ее, видел начало ее строительства, но не дожил до его завершения. Но знал Джотто, точно знал, что он-то себя увековечил в камне. И что человек замрет, лишившись слов, перед этим творением, что он почувствует, если вообще способен чувствовать, и восторг, и благодарность, и гордость. Потому что звонница эта как бы говорит ему: вот, человек, на что ты способен, вот для чего тебе дана душа, дан мозг, вот кто ты есть в твоём лучшем проявлении.

Я пытался представить себе, о чем думали те сотни, если не тысячи, людей, которые строили Шенонсо. И вспомнил было о моем коллеге-журналисте, который в XIII веке получил редакционное задание поехать на строительную площадку в Шартре, где возводился самый прекрасный – по крайней мере, на мой взгляд, – собор в мире. Ему нужно было написать об этом репортаж. Он увидел человека, который возил тачку, наполненную строительным мусором.

Замок Амбуаз, к которому мы подплываем

Мы на фоне замка Шенонсо

- Что вы делаете, месье? – спросил журналист.
– Везу строительный мусор, – ответил тот.
Журналист увидел человека, который нес на плече деревянную балку.
– Что вы делаете, месье? – спросил он.
– Несу балку, – ответил тот.
Журналист подошел к человеку, который разбивал камни тяжелым молотом.
– Что вы делаете, месье? – спросил он.
– Разбиваю камни, – ответил тот.
Журналист-летописец подошел к человеку, который подметал участок стройки.
– Что вы делаете, месье? – спросил он, уже ни на что не надеясь.
– Что я делаю? – ответил тот. – Я в Шартре строю самый прекрасный в мире собор.

Выйдя из машины и совершенно забыв о холоде, мы подошли к громадным деревянным воротам, усеянным железными коваными гвоздищами. Вокруг не было ни души. Ворота были заперты, но мы постучались. В ответ гулко раздавалось эхо, которое уносило меня на столетия назад. Мне показалось, что в ответ откуда-то сверху, со сторожевой башни, нас окликнет человек в стальном шлеме и латах. Но нет, ворота распахнулись, и показалась фигура вполне обыденная. Чуть поклонившись, она жестом пригласила нас войти.

Как передать то чувство, которое я испытал? Сводчатые потолки уходили на десятки метров вверх, шаги гулко отражались от древних камней, и вместе с тем было ощущение тепла, какой-то домашности. Вещи, которые в принципе не сочетались, здесь сошлись воедино, созда-

вая совершенно сказочное настроение. Я поймал себя на мысли, что остро завидую тем, для кого этот замок когда-то был домом, – не из-за его великолепия, а потому, что человек, рожденный и живущий здесь, должен внутренне быть другим, с иным восприятием, с иными ценностями, с иным пониманием своего места в мире.

Летом 2009 года, во время наших съемок, я возвращался в Шенонсо с чувством тревожного ожидания. Как-то встретимся мы? Продолжится ли наш молчаливый диалог тридцатилетней давности? Не получится ли так, что в толпе туристов, наводняющей замок в летние месяцы, мы друг друга не услышим?

Правда, на сей раз я мог сказать: «Шенонсо, любовь моя, я не только тебя не забыл. Я узнал твою прекрасную, полную взлетов и падений историю. Когда-то на твоём месте стоял особняк, принадлежавший некоему Жану Марку. Тот особняк был сожжен в 1411 году, когда Марк был обвинен в предательстве. Через двадцать лет он построил новый замок на этом месте, а затем годы спустя его потомок Пьер, увязший в долгах, продал тебя Тома Боеру, отвечавшему за королевскую казну. Это было в 1513 году. Боер тебя разрушил и построил новый замок. Сын Боера, который по наследству сохранил должность королевского казначея, в какой-то момент перестал различать, где его деньги и где королевские. И когда это обнаружилось, ему было предложено либо лишиться головы, либо лишиться тебя. И он отказался от тебя в пользу короля Франциска I, после смерти которого в 1547 году ты стал собственностью его сына короля Генриха II. И вот тогда-то началось то, что принесло тебе название «Замок женщин». Генриха женили на Екатерине Медичи, когда ему – да и ей – было всего четырнадцать лет, но он к этому времени был по уши влюблен в прекраснейшую Диану де Пуатье. А ей было тридцать четыре.

Отвлекусь на одну пикантную деталь. В первую брачную ночь четырнадцатилетний Генрих был настолько равнодушен к супруге, что никак не мог исполнить свою супружескую обязанность – настолько, что его отцу, Франциску, пришлось вторгнуться в спальню новобрачных, чтобы взбодрить свое чадо. Наутро же в это дело вмешался римский папа, дядя Екатерины, который захотел лично, «глазом и пальцем», убедиться в потере ею девственности. В дальнейшем Генрих делил ложе со своей супругой только по настоянию Дианы, беспокоившейся об отсутствии королевского потомства. Екатерина же, страстно влюбленная в Генриха, шла на всяческие ухищрения, лишь бы добиться его расположения. И даже распорядилась, чтобы пробили дырку в потолке спальни Дианы, откуда она, Екатерина, смогла бы наблюдать за эротическими приемами последней. Но и после десяти лет супружества Екатерина оставалась бесплодной, что могло служить поводом для развода. В конце концов, лейбмедик королевского двора Фернель спас ее. Он знал, что Генрих страдал от деформации полового члена, из-за которой семя извергалось в сторону. Внимательно осмотрев королеву, он обнаружил и у нее некоторое физическое отклонение. Фернель прописал супругам определенную гимнастику при соитии, которая оказалась чрезвычайно удачной: за последовавшие одиннадцать лет Екатерина произвела на свет десять (!) детей. Что, впрочем, не изменило отношения к ней супруга, который оставил ее вдовой всего лишь в сорокалетнем возрасте. История не приписывает ей ни одного любовника.

Екатерина Медичи

Генрих II

Диана де Пуатье

Точной даты начала романа Генриха и Дианы не знает никто, но предполагают, что это событие произошло в 1538 году, а когда девятью годами позже умер Франциск, то сын его, став королем Генрихом II, подарил тебя Диане, нарушив тем самым закон, который запрещал отчуждение королевских владений. Ты, Шенонсо, конечно, помнишь Диану, женщину непревзойденной красоты и ума. Годы были бессильны перед ее красотой – она не менялась. Каждое утро и круглый год она нагишом купалась в холоднющей ключевой воде, питалась особыми травами, не пользовалась никакими мазями. Вот как описал ее Пьер де Бурдейль Брантом,

один из самых читаемых французских писателей эпохи Возрождения: «Я видел Диану шестидесяти пяти лет и не мог надивиться чудесной красоте ее; все прелести сияли еще на лице сей редкой женщины». Куда до нее было простушке Екатерине Медичи, как могла она противостоять ей! И она, супруга короля, с улыбкой на губах и ненавистью в сердце ждала своего часа. И дождалась. В 1559 году, едва достигнув сорокалетнего возраста, Генрих скончался от раны, полученной на рыцарском турнире, – и тут Екатерина, став регентшей, изгнала из твоих стен Диану и стала твоей полновластной хозяйкой. Собственно, ты оставался ее домом до самого конца ее жизни».

Вот такая драматическая история у Шенонсо, который встретил меня прекрасными садами и огородами, посаженными еще во времена Дианы. А той суровой зимой первой встречи их было не видать. Вновь посетив замок, я понял, что он ничуть не теряет в величии от сотен визитеров, заполнивших его залы, коридоры, переходы и башни. Более того, если закрыть глаза и прислушаться к стуку каблучков и шуршанию одежд, то можно унести на четыре или пять веков назад, и тогда перед твоим мысленным взором предстанет королевский двор, люди в ярких камзолах и конечно же неслыханно прекрасная Диана. Словом, оживет история... Хочу сказать вам, что во Франции она, история, никогда не умирает. Она даже не покрывается пылью...

Тогда, три десятилетия тому назад, мы навестили и другой замок на Луаре, Амбуаз. Это было, если мне не изменяет память, третьего января. Меня тянуло в Амбуаз потому, что здесь доживал свой блестящий век человек, которого я почитаю за величайшего из всех гениев. Леонардо да Винчи. Отвлеку вас на мгновение признанием, что я не завидую никому... кроме Франциска I. Это он купил у художника «Джоконду», которая ныне составляет славу Лувра, и это он пригласил к себе в замок Амбуаз Леонардо, которого он называл своим отцом и с кем каждый день подолгу беседовал об искусстве и философии.

Так вот, тогда, походив по замку и посетив часовню, где захоронены останки да Винчи, мы, замерзшие до мозга костей, зашли в кафе «Биго», расположившееся у самого подножия скалы, на которой высится замок. Кафе было пустым, если не считать самой семьи Биго – прабабушки, бабушки, хозяйки и ее мужа да трех или четырех их детей. Все они сидели за большим круглым столом у пылающего камина и праздновали... новый, 1980 год: до этого такой возможности у них не было, поскольку они обслуживали новогодних гостей, потом сутки отсыпались. Они приняли нас с таким теплом, что даже не будь камина, мы все равно отогрелись бы мгновенно. Не верьте тем, кто говорят, будто французы негостеприимны, холодны и спесивы. Ложь это, ложь.

И теперь, когда мы с Иваном подходили к кафе, я рассказал ему о том давнем посещении, когда мне было сорок шесть лет, и задался вопросом, узнают ли меня, в чем он выразил серьезные сомнения. Вот мы вошли, и я подошел к хозяйке, стоявшей за прилавком. Не стану отвлекать вас описанием того, какие там красовались сладости, какие пирожные и торты, произведения французского кулинарного гения не давали посетителю отвести от себя глаз... Я сказал: «Бонжур, мадам». Она внимательно посмотрела на меня, широко улыбнулась и, протянув руку, сказала: «Бонжур, месье, как я рада вновь видеть вас!»

Да-да, она узнала меня, и когда я сейчас пишу об этом, то испытываю трудно передаваемое чувство радостной благодарности. Прабабушки и бабушки уже не было, но семейное дело продолжалось уже в третьем поколении, и в этой верности делу было что-то и необыкновенное, и трогательное, и вызывающее восхищение.

Мадам Биго по нашей просьбе стала рассказывать об истории этого славного кафе, и в какой-то момент, когда она вела нас по его залам, высоченный Иван ударился головой о низкую балку перехода.

– О! – воскликнула мадам Биго, – совсем как Карл VIII!

К вашему сведению: король Франции Карл VIII, пожелав показать своей супруге самый лучший вид из замка Амбуаз на Луару, повел ее по коридору и по пути ударился головой о низкую притолоку. Поначалу казалось, что не произошло ничего страшного, но через несколько часов король занемог и умер на следующий день. Произошло это 7 апреля 1498 года. Позвольте вопрос: много ли, на ваш взгляд, хозяев кафе, кондитерских и булочных, которые бы нашли подобную параллель? Вы скажете мне, что мадам Биго, возможно, большой любитель истории? Или что она специально выучила некоторые факты, чтобы поразить ими воображение посетителей? И я отвечаю вам: нет, дело совершенно в другом. Помните, я обратил ваше внимание на то, что для французов история жива? И это вовсе не потому, что так блестяще преподают ее в школах.

Мы попали в Амбуаз в день, когда весь город празднует восхождение на престол одного из самых любимых королей Франции – Франциска I. Следует сказать, что до него Франция мало могла гордиться своими королями. После Филиппа-Агуста амбициозного, Святого Людовика набожного, Карла V премудрого, Карла VI безумного, Карла VII печального, Карла VIII донкихотствующего и Людовика XII болезненного на трон наконец ворвался Франциск I. Был он атлетичного сложения, переполненный энергией и идеями, умница, обожатель женщин, гурман, – и все изменилось. Вдруг меланхолия уступила место жизнерадостности. Собственной силой он создал для Франции «прекрасный XVI век», своего рода Возрождение. При нем Франция выходит на авансцену истории, она становится первой страной Европы по народонаселению, а само население становится самым процветающим. Да, он много воевал, одерживая блестящие победы и терпя тяжелые поражения, но он строил Францию, он дважды объездил все королевство, чтобы своими глазами увидеть, как живут его подданные, он открыл страну для «итальянской прививки», что несказанно обогатило ее.

А теперь представьте: ночь, грозная крепость Амбуаз освещена прожекторами, все окна зашторены красным материалом и изнутри освещены так, что кажется, будто там, во дворце, двигаются тени тех, кто жил здесь пятьсот лет тому назад. Перед дворцом – широченная поляна, на ней горят костры. Сотни людей, одетых так, как одевались во времена Франциска I, разыгрывают разные сценки: булочник печет хлеб, ткачи ткут свои ткани, туда-сюда снуют груженные скарбом ослики, которых понукают их хозяева. Но вот заиграли трубы, и на холме чуть справа от дворца появляется только что коронованный двадцатилетний король. Он обращается к своему народу со словами надежды и добра, а дальше разворачивается картина его жизни. Впечатление грандиозное, но более всего меня трогает и восхищает то, что здесь не актеры, нет, здесь рядовые граждане города Амбуаз. Это они сшили все одежды, это они построили все декорации, это они репетировали сценки, и устраивается такой праздник ежегодно, причем участвуют все от мала до велика. Вот почему мадам Биго помнит историю – потому что для нее она живая. И конечно же не только для нее.

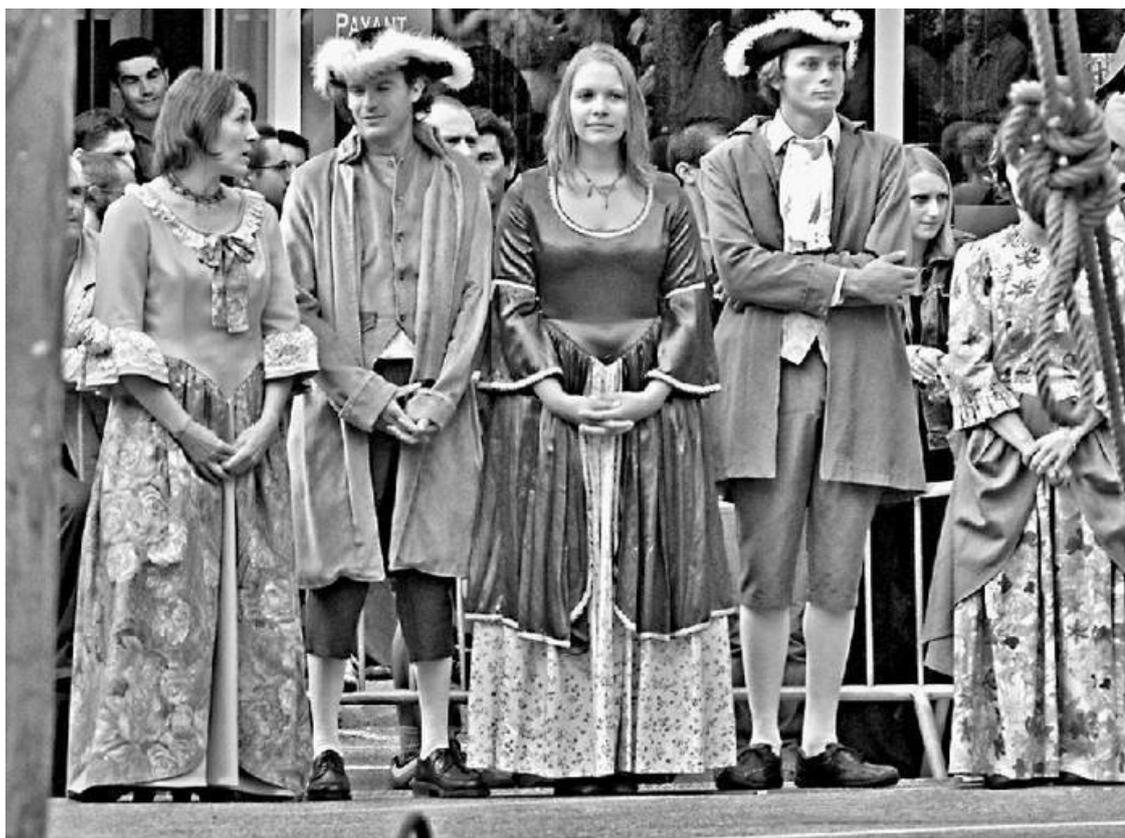
Перенесемся в городок Анноней, что находится на юго-востоке Франции. Городок как городок. Старый, конечно. Говорят, его название имеет римское происхождение. Но мы не приехали бы сюда, если бы...

Когда-то, в середине XVIII века, в Аннонейе родились два брата Монгольфье, Жозеф-Микаэль и Жак-Этьен. В общем, люди как люди, но до чрезвычайности любознательные. С юных лет производили они всякого рода опыты, чаще всего с огнем и дымом, что в глазах горожан сделало их не то колдунами, не то волшебниками. Впрочем, это были люди исключительно добропорядочные и набожные. Как-то один из братьев с негодованием заметил, что у его жены, стоявшей около горящего камина, задралась юбка. Он начал ей выговаривать, но она сказала, что она тут ни при чем, что юбка задралась без ее участия. Тогда-то муж и сообразил, что юбку поднял идущий от камина горячий воздух. Так родилась идея воздушного шара, позже получившего название монгольфьер.

Шестого июня 1783 года на центральной площади Аннонейя собралась толпа. В огромной чаше, набитой соломой, разожгли огонь, над которым с помощью канатов держали шитое из шелка нечто, похожее на гигантский мешок. И вот, по мере того как горячий воздух поступал в мешок, он стал надуваться. Вскоре он принял форму невиданного по размерам шара, который с трудом удерживали десяток людей. Всем командовали братья Монгольфье. «Отпустите!» – скомандовали они, и шар взмыл в небо, выше, выше, выше, пока не превратился в еле видимую точку. Пораженные горожане кричали от восторга, а шар все плыл да плыл. Целых десять минут, пока не приземлился в двух километрах от исходной точки.

На празднике памяти братьев Монгольфье в г. Аннонейе

Весь город выходит в костюмах XVIII века

Монгольфьеры над Аннонейем

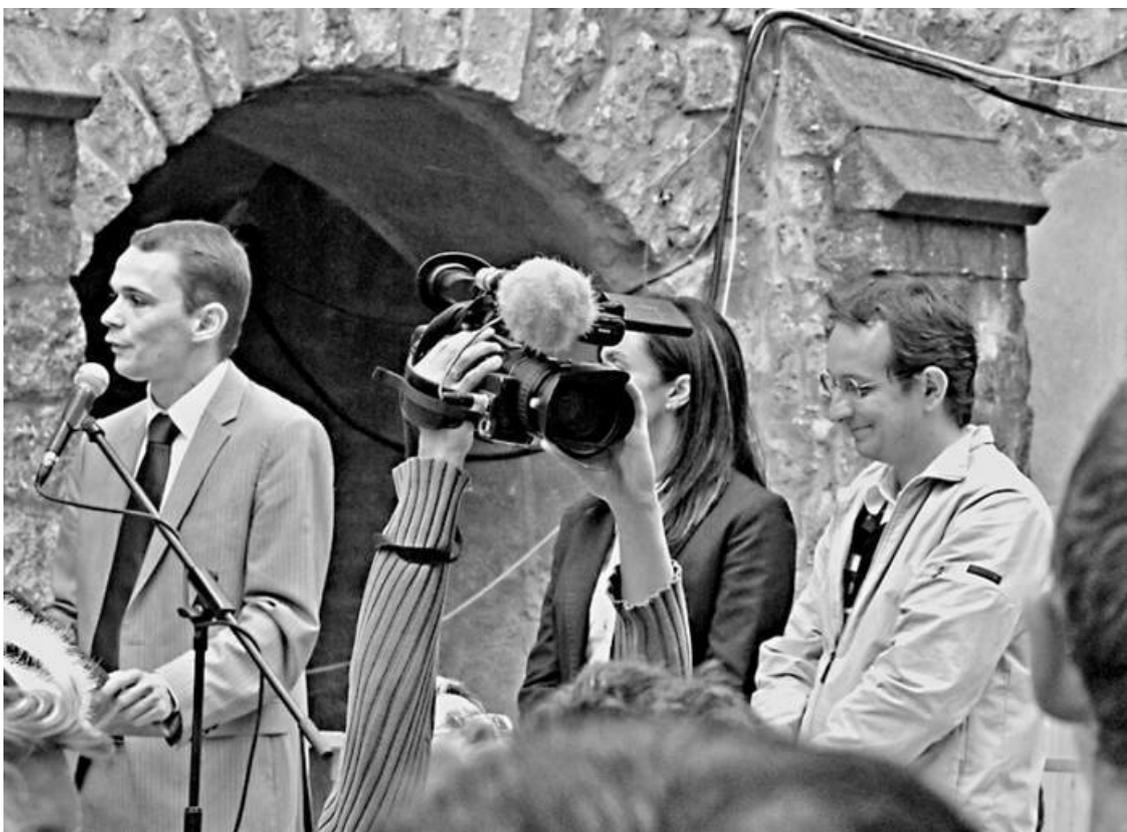
Монгольфьер

Памятник братьям Монгольфье

Сейчас в небо над Аннонейем воспарит Иван

Мэр г. Аннонейя выступает на празднике

Аннонейя

Праздник коронавания короля Франциска I в Амбуазе

Замок Шенонсо на Луаре

Шестого июня 2009 года на центральной площади Аннонейя собралась толпа. Многие были одеты именно так, как горожане двести шестнадцать лет тому назад. А в центральной части площади в точности разыграли эту сцену, и тут тоже все были в соответствующих одеждах. И снова зажгли солому, и снова надулся мешок, превратившись в шар, и снова шар взмыл в небо под восторженные крики горожан. Среди них были мы, и я снова подумал о том, как французы сохраняют свою историю, как для французских детей братья Монгольфье и их детище абсолютно живы, а не покрыты пылью времен.

Ах, да, забыл сказать две вещи: 19 сентября того же 1783 года братья Монгольфье демонстрировали свой шар королю Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте. При этом в корзину, привязанную к шару, были погружены баран, утка и петух. Шар держался в воздухе восемь минут и плавно сел в полтора километрах от места взлета. Животные остались целыми и невредимыми. Второе, о чем я забыл сказать, заключается в том, что братья Монгольфье первыми в мире изобрели летательный аппарат. Повторяю, первыми в мире. И для сомневающихся во французском техническом гении могу сказать, что и по сей день Франция остается одной из главных стран по разработке самой передовой техники.

Глава 2

Во Франции, как в Греции, все есть

Слышу ваши возражения: «Ну, Владимир Владимирович, это вы хватанули! Франция – это страна вина, сыров, кулинарии, моды, духов, люкса, но уж никак не передовой техники!» Никак, говорите вы? Что ж, поглядим...

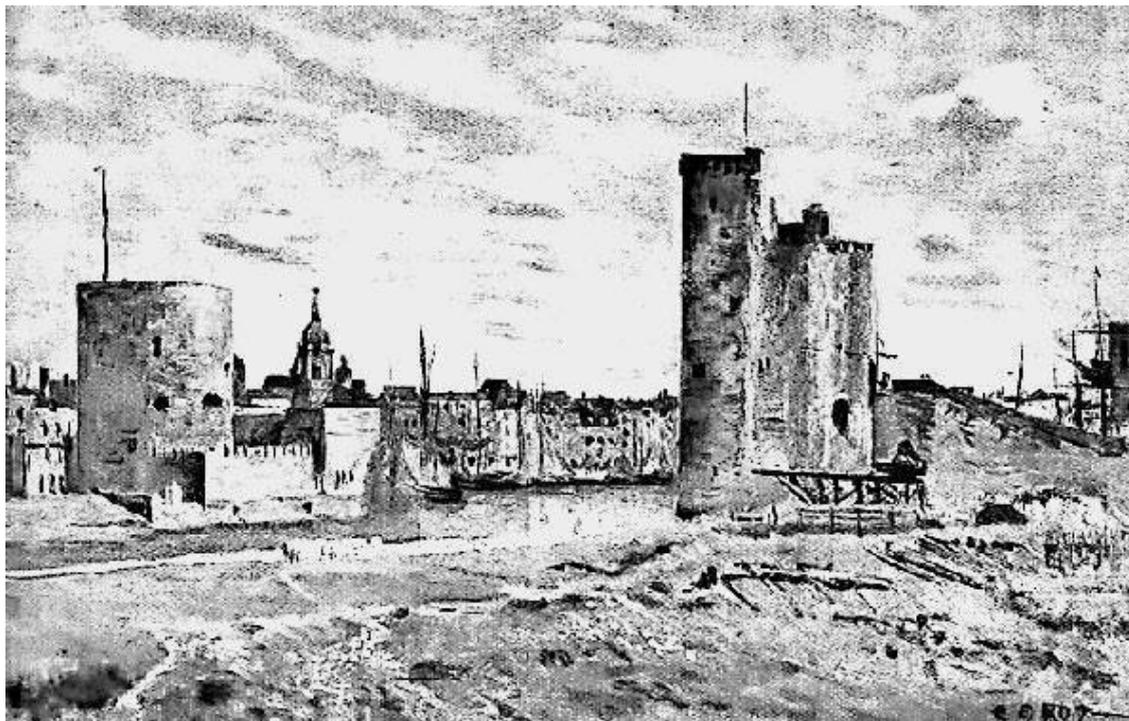
Говорит ли вам что-нибудь название «Ла Рошель»? Если нет, значит, вы не читали и одну из самых замечательных в мире книг «Три мушкетера» Александра Дюма. Именно там, в портовом городе Ла Рошель, а вернее, на его окраине, в полуразрушенном форте, собрались для серьезного разговора Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян.

Герб Ла Рошели

Туда поехала и наша съемочная группа. Не для съемки крепости – она, увы, уже давно исчезла. Мы прибыли туда для посещения завода, на котором производят ТЖВ, **Train à Grande Vitesse**, «поезд высокой скорости». Завод как завод, дело не в нем, а в том, что именно здесь создавался и создается первый в Европе скоростной поезд. Его рекорд – он остается мировым – составляет 574,8 км/ч. Когда 27 сентября 1981 года первый ТЖВ пошел по полотну Париж – Лион, многие предсказывали, что этот показательный проезд будет первым и последним. На заводе рабочие вспоминают об этом со смехом. «Наш поезд, – говорят они, – лучший в мире, лучше японского, китайского, немецкого, английского и испанского. Он быстрее, безопаснее, комфортабельнее, экологически чище и, главное, объезжает фактически всю страну». Как я сказал, завод как завод, ничего особенного, сам по себе большого впечатления не произвел.

Чего нельзя сказать о гигантском заводе в Тулузе, где собирают самый большой пассажирский реактивный самолет в мире – аэробус А380. Поражают три вещи: размеры, чистота и тишина. Что до размеров ангара, в котором идет сборка фюзеляжа и крыльев, то затрудняюсь подобрать подходящий эпитет. Громадный, гигантский, необъятный... В общем, **ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ**. Чистота такая, какая встречается только в общественных туалетах Швейцарии и в некоторых больницах. И тишина. Никаких тебе громких голосов, никакого стука, лязга, рева. А рабочих сотни, и они работают. Все в аккуратнейших формах и защитных шлемах, какие и нам пришлось надеть, когда нас допустили к съемкам сборки одного самолета. Вообще это дело секретное, поэтому нас сопровождали «гиды», а точнее, члены местной службы безопасности, которые внимательно следили за тем, куда были направлены камеры наших операторов и наши фотоаппараты. Облазили весь самолет, для чего пришлось подниматься по пяти этажам окружавших его лесов.

Камиль Коро. Ла Рошель. Вход в гавань

Помните, в начале книжки я знакомил вас с одним из наших операторов, Евгением Переславцевым, который вечно исчезал в поисках «кадра»? Исчез он и тут – не без последствий. Когда мы, казалось, завершили съемки и собрались небольшой группой перед самолетом, к нам подошел начальник службы безопасности и довольно грозно спросил: «Где второй оператор?»

Стали искать. Вернее, была устроена форменная облава. Сейчас самое время сказать, что нет более жесткой и неприятной в мире полиции, чем французская. Ее боятся. Служба безопасности – это все та же полиция, пусть в другой форме и с другими задачами. В общем, мы почувствовали себя очень неудобно. Женю нашли и привели – хорошо, что не в наручниках. Потребовали, чтобы показали, что он наснимал. Показали. Потребовали, чтобы кое-какие кадры стерли. Я опасался, что отнимут все съемки и нажалуются начальству в Париж. К счастью, обошлось, но настроение было основательно испорчено. Было еще одно маленькое приключение: мы попросили разрешение взять интервью у какого-нибудь рядового рабочего. Его, молодого человека лет тридцати, подвели к нам в дальней части ангара, откуда выкатывают на взлетно-посадочную полосу уже готовый, но еще не покрашенный самолет. Основная покраска происходит в Германии, во Франции же окрашивают лишь хвостовое оперение, чтобы можно было понять, какой авиакомпании принадлежит самолет. Рабочий был, как говорится, подготовлен: все хорошо, никаких жалоб, замечательная работа, останется здесь на всю жизнь. Меня сразу перенесло в СССР и слегка затошнило.

Позже, когда мы посетили авиасалон Ле Бурже под Парижем, мы стали свидетелями показательного полета А380. Глядя на то, как этот исполинский летательный аппарат грациозно плывет в небе, я вспомнил слова, которые много лет назад я услышал от Андрея Николаевича Туполева:

– Если самолет некрасивый, он не полетит.

А380 – абсолютный красавец.

И еще о самолетах: именно Франция вместе с Великобританией создала первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет «Конкорд», на котором я имел счастье летать дважды: из Нью-Йорка в Лондон и обратно. Это была сказка. Садись в глубокое, как в гоночном автомобиле, кресло, самолет трогается с места, набирает скорость и взмывает вверх почти (или так кажется) вертикально. А потом... замирает. Нет, конечно, не замирает, но кажется, что именно это он и делает, потому что не ощущается никакого движения вообще. Никаких тебе воздушных ям, полная тишина. Вот так и висишь три с половиной часа – ровно столько потребовалось ему, чтобы пересечь Атлантику и оказаться в Лондоне. Поразительно.

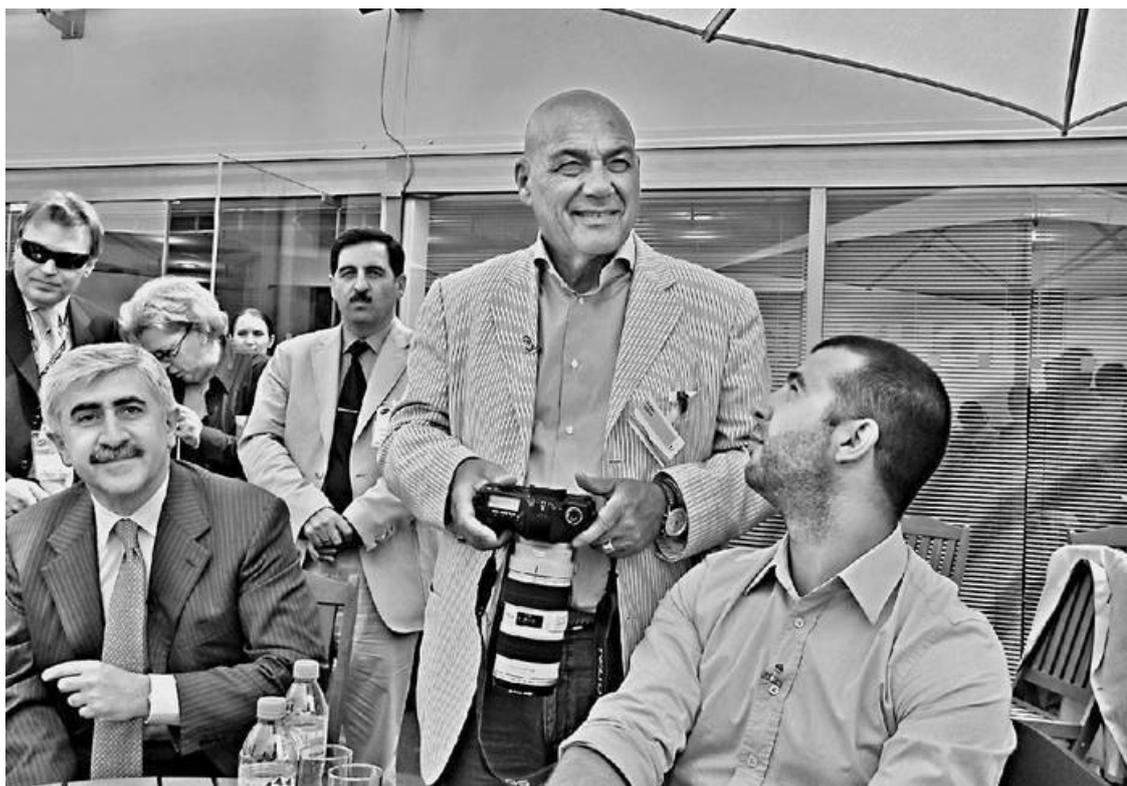
«Конкорд» уже давно не летает, но на территории завода «Аэробус» выставлен для посещения один экземпляр. Меня там принимал Жак Рокка, старый летчик, который говорил о самолете с такой же нежностью, как иной говорит о своей любимой собаке.

– И все-таки, почему отказались от «Конкорда»? – спрашиваю.

– Во-первых, месье, – отвечает он (замечу, что обращение «месье» и «мадам» у французов совершенно обязательно), – из-за финансовых соображений. Посудите сами: на сто километров полета «Конкорд» сжигал 18 литров керосина на пассажира, что в шесть раз больше, чем потребляет аэробус A380. Во-вторых, «Конкорд» наносит серьезный ущерб экологии. В-третьих, после использования самолетов террористами в Нью-Йорке одиннадцатого сентября авиакомпания перестали покупать «Конкорд», боясь того, как бы террористы не воспользовались им. Так что больше, месье, он не полетит.

И нежно погладил приборную доску.

На этой же территории расположен музей старых самолетов. Их множество из самых разных стран, в том числе из СССР. Все они кропотливо восстановлены организацией «Старые крылья». В организации в основном вышедшие на пенсию мужчины, влюбленные в самолеты. Они собирают их по крохам, это их хобби. По-французски то, чем они занимаются, называется *bricolage*, слово не имеет точного перевода на русский, хотя этим самым «бриколажем» занимаются миллионы французов. Французско-английский словарь дает перевод *do it yourself*, буквально «сделай сам».

В Ле Бурже. Слева от нас – директор «Сухого» Михаил Погосян

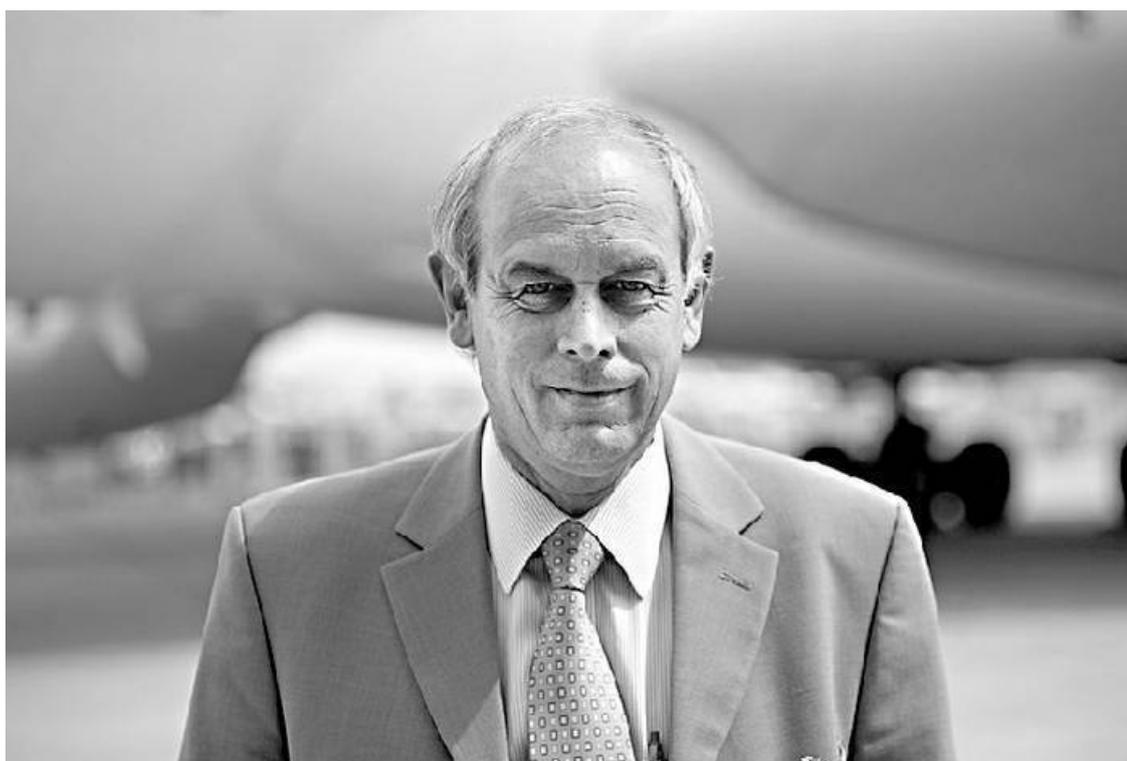

Самолет Аэробус А380 – это самый крупный серийный авиалайнер в мире.

На сегодняшний день он превосходит по вместимости «Боинг-747», который может перевозить до 469 пассажиров и который являлся самым большим лайнером на протяжении 36 лет. Вместимость аэробуса – до 853 пассажиров. Также он является самым экономичным из больших лайнеров. На разработку А380 ушло около десяти лет. Обозначение А380 – это разрыв между предыдущими Airbus, обозначавшимися в последовательности от А300 до А340.

Обозначение А380 было выбрано по причине того, что цифра 8 напоминает поперечное сечение этого двухпалубного самолета. К тому же число 8 считается «счастливым» в некоторых азиатских странах-заказчицах. Заключительная конфигурация самолета была утверждена в начале 2001 года, и производство первых компонентов крыла А380 началось 23 января 2002 года.

Главные структурные секции авиалайнера строились на предприятиях во Франции, Великобритании, Германии и Испании. Из-за их размеров в Тулузу они транспортировались не самолетом А300—600 Beluga (используемым для транспортировки деталей других самолетов Airbus), а наземным и водным транспортом, хотя некоторые части перевозились при помощи самолетов Ан-124.

Питер Чандлер, летчик-испытатель аэробуса А380

Юрган Томас, представитель компании «Аэробус»

На самом кончике торчащего мыса Нормандии находится город Ла Аг. Там расположен завод по переработке ядерного топлива. Тема это тонкая. Известно, что АЭС с точки зрения экологии безупречны. Оставляю в стороне вопрос о возможной аварии, поскольку он имеет отношение не к выработке электроэнергии, а к надежности самой станции. Но есть одна существенная проблема: что делать с отработанным ядерным топливом? Оно сохраняет свою смертельно опасную радиоактивность в течение сотен лет. Франция стала по существу главной страной по решению этого вопроса.

Когда мы приехали, нам сразу дали понять, что здесь все обстоит предельно серьезно: запрещено снимать и фотографировать все, что имеет хоть какое-либо отношение к безопасности, включая камеры слежения и даже сам персонал. Другими словами, никто за пределами завода не должен знать ничего о том, как именно здесь обеспечена безопасность. Затем, после короткого внушения, нам предложили полностью переодеться – правда, позволили остаться в собственном исподнем. Дальше занялся нами не кто-нибудь, а директор завода Доминик Гийото. Он рассказал, что при переработке использованного топлива восстанавливается 96 процентов (из которых 1 процент плутония и 99 процентов урана). Лишь 4 процента использованного топлива не поддается повторному использованию. Что касается восстановленных 96 процентов, то они сохраняются в специальных контейнерах, где ждут своего часа. Услугами завода пользуются не только французские АЭС, но и голландские, немецкие, бельгийские, итальянские и японские. Сами понимаете, платят они за эти услуги весьма солидные деньги. Когда я спросил, сколько именно завод зарабатывает таким образом в год, мне сказали, что это коммерческая тайна.

А что же оставшиеся и весьма радиоактивные 4 процента? Нам показали, как их «остекленевают»: роботы заливают их плавленным стеклом, в результате чего получаются толстые стеклянные чурки с нулевым радиоактивным фоном. Чурки эти будут захоронены в глубо-

чайшие подземные шахты, где они будут дожидаться того часа, когда научатся уничтожать их содержимое.

Надо понимать, что у Франции нет ни нефти, ни газа, ни угля в достаточном количестве, чтобы обеспечить свою энергетическую независимость, что и привело в свое время президента де Голля к решению делать ставку на ядерную энергетику: более 80 процентов всей бытовой электроэнергии Франции обеспечивается именно этим. Не могу не признать, что завод произвел на меня сильное впечатление, но вместе с тем я все время испытывал какую-то опасность. Она, по крайней мере для меня, как бы висела в воздухе.

На следующий день мы встретились с Дидье Анже, одним из борцов против использования ядерной энергетики. Несмотря на свои семьдесят лет, он с юношеским задором излагал свою точку зрения.

– Во-первых, – сказал он, – в Ла Аге не менее двух человек были облучены, они это отрицают, но это так. Во-вторых, дело на самом деле в личных финансовых интересах компании, которая владеет заводом и хозяином которой является один из министров в правительстве президента Саркози. В-третьих, во Франции уже нет урана, приходится добывать его в Нигерии, а значит, так называемая энергетическая независимость, которую дают Франции АЭС, – полная чушь.

Потом, уже в Париже, когда я задал этот вопрос Бернару Биго, директору Комиссариата по атомной энергетике (СЕА), высокопоставленному государственному чиновнику, носящему в петличке пиджака красную розетку высшего ордена Франции, он со снисходительной улыбкой ответил, что у Франции хватает отработанного и восстановленного урана на тысячу лет, так что, сами понимаете, месье, все эти возражения не стоят внимания.

Ясно, что кто-то врет. Вопрос: кто? Так или иначе, Франция продолжает развивать ядерную энергетику, в чем мы смогли убедиться, посетив строительство новейшей АЭС совсем недалеко от Ла Ага, в городке Фламанвиле. Правда, нам было позволено посмотреть на грандиозную стройку лишь издали, снимать можно было только под определенным углом и только некоторые объекты, а в просьбе поговорить хотя бы с одним-другим строителем нам было отказано.

Так или иначе, факт остается фактом: в области развития и использования ядерной энергетики Франция занимает самые передовые рубежи.

Будучи в Тулузе, я был... на Марсе. Фигурально выражаясь, конечно. Это произошло во время посещения Национального центра изучения космоса (CNES). Представьте себе нечто похожее на небольшую пустыню – размером в полтора-два гектара. Земля красноватая, то тут, то там барханы, вся площадь усеяна камнями и булыжниками. Словом, модель поверхности Марса. На одном из ее краев что-то вроде весьма благоустроенного сарая. А в сарае – робот, нечто похожее на луноход, русского производства. К сожалению, на ремонте, так что я не увидел его в работе, но, как объяснил мне техник, при запуске по «Марсу» он дает совершенно точную картину того, как себя поведет «марсоход» на красной планете. Как говорится, дешево и сердито: русский хай-тек в сочетании с французской логикой. Производит впечатление.

К нашему приходу отменно подготовились. Сначала нас принял директор Центра Марк Перше, из рассказа которого стало совершенно понятно, что Франция, благодаря решению де Голля (опять де Голль!) создать Центр, находится на «ты» с космосом. Затем мы были переданы Лионелю Сюше, который отвечает за все международные проекты. Он, как оказалось, превосходно говорит по-русски. Почему?

– Да потому, – ответил он, – что мы плотно работаем с Россией. Я часто бывал и бываю в вашем Звездном городке, дружу с вашими космонавтами, учеными и техниками, это потрясающие специалисты и симпатичнейшие люди.

– С американцами тоже работаете?

– Разумеется.

– Уж извините за бестактный вопрос, но с кем вам проще работать – с русскими или с американцами?

– Безусловно, с русскими.

– Почему?

– Они более открыты, сердечны, с ними так: раз работаем вместе, значит, открыты все двери. Американцы держатся не так.

Словом, очень любит русских.

Потом пошли в столовую пообедать. Я вас не удивлю, если скажу, что еда вкуснейшая, ведь мы во Франции. Но удивлю, если скажу, сколько стоит обед – полный, до отвала, с вином. Три евро.

Дальше последовал зал слежения за спутниками. Это что-то из области научной фантастики. Весь огромный зал: стены, потолок, пол – все покрыто каким-то серым губчатым материалом, напоминающим картонную тару для яиц. Это сделано для полного заглушения любых посторонних звуков. Кроме того, висят какие-то исполинские аппараты, смысл которых я даже и не старался понять, несмотря на все объяснения... А потом нас допустили на совершенно секретный объект: зал, где готовят новые спутники. Уже в который раз пришлось переодеться во все совершенно чистое, подверглись чистке и камеры наших операторов. В зале не должно быть ни одной пылинки. Там работают люди, но тишина такая, что собственное сердцебиение кажется громким.

Когда мы вернулись в основное здание, я обратил внимание на модель какой-то старинной башни, стоявшей на постаменте в одном из углов зала, и спросил нашего гида, что это?

– Это, – последовал ответ, – башня Святого Сернина, и если вы там не побываете, вы напрасно приехали в Тулуз.

– Обязательно будем, – ответил я. – Но почему модель этой башни стоит здесь, в космическом центре?

Гид улыбнулась и сказала:

– Видите, башня устремлена в небо, зовет ввысь – как и мы.

Однажды вечером 29 мая 1671 года крестьянин из Тулузы Раймон Лавье увидел в своем винограднике «необычную карету». Схватив топор, он выскочил из дома, чтобы разделаться с вором, но вдруг увидел, что в винограднике у него вовсе не карета: в темноте светилось нечто, похожее, как он потом рассказывал, на двухъярусный круглый шатер. Месье Лавье был, однако, не из робкого десятка и, сжав топориче еще сильнее, двинулся на «шатер». Но приблизиться он не успел: «шатер» поднялся в воздух, медленно двинулся в сторону Тулузы, потом сверкнул и мгновенно исчез. Месье Лавье пошел к кустам винограда и с возмущением убедился, что в этом месте они поломаны. Он заметил также, что земля оставалась теплой.

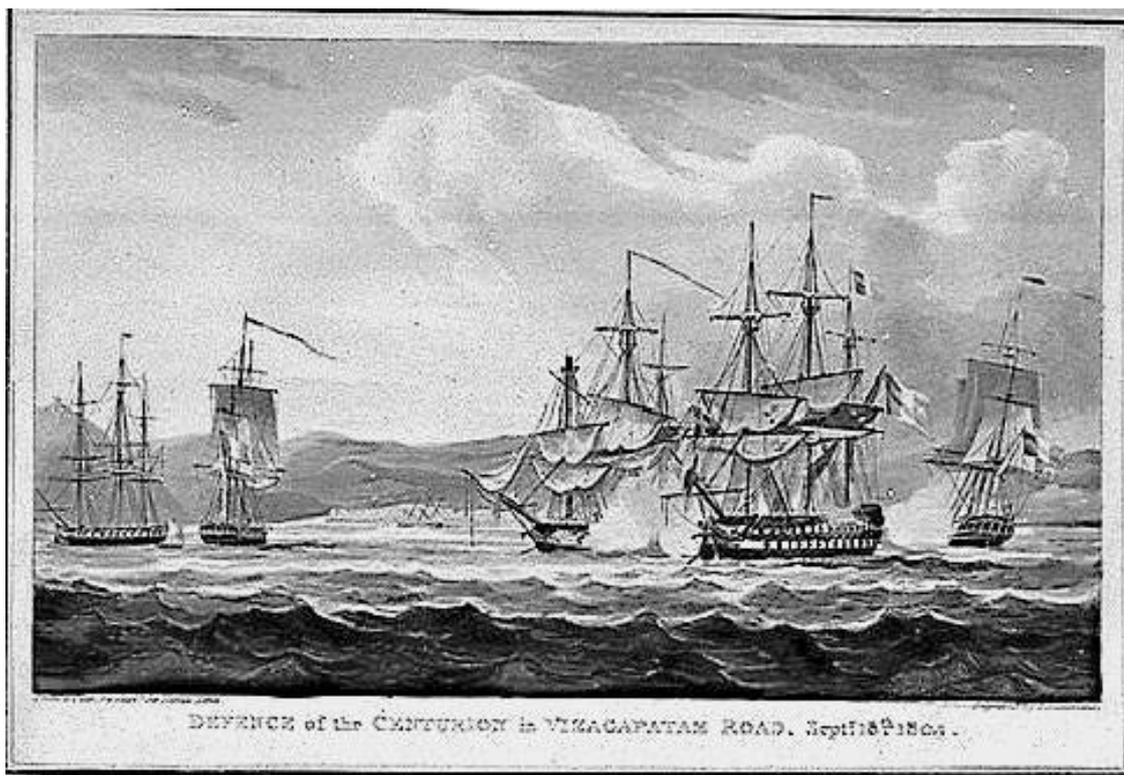
Кто это сказал, что Эйфелева башня портит Париж?

В этот 1671 год, не отличавшийся во Франции особенно хорошим урожаем винограда, месть Лавье собрал (если верить источникам) десятикратный против обычного урожай. В последующие годы удача продолжилась, о винограднике Лавье стали говорить по всему побережью, удача сопровождала его семью, его потомки перед революцией 1789 года владели несколькими большими ресторанами в Париже и даже заседали в парламенте.

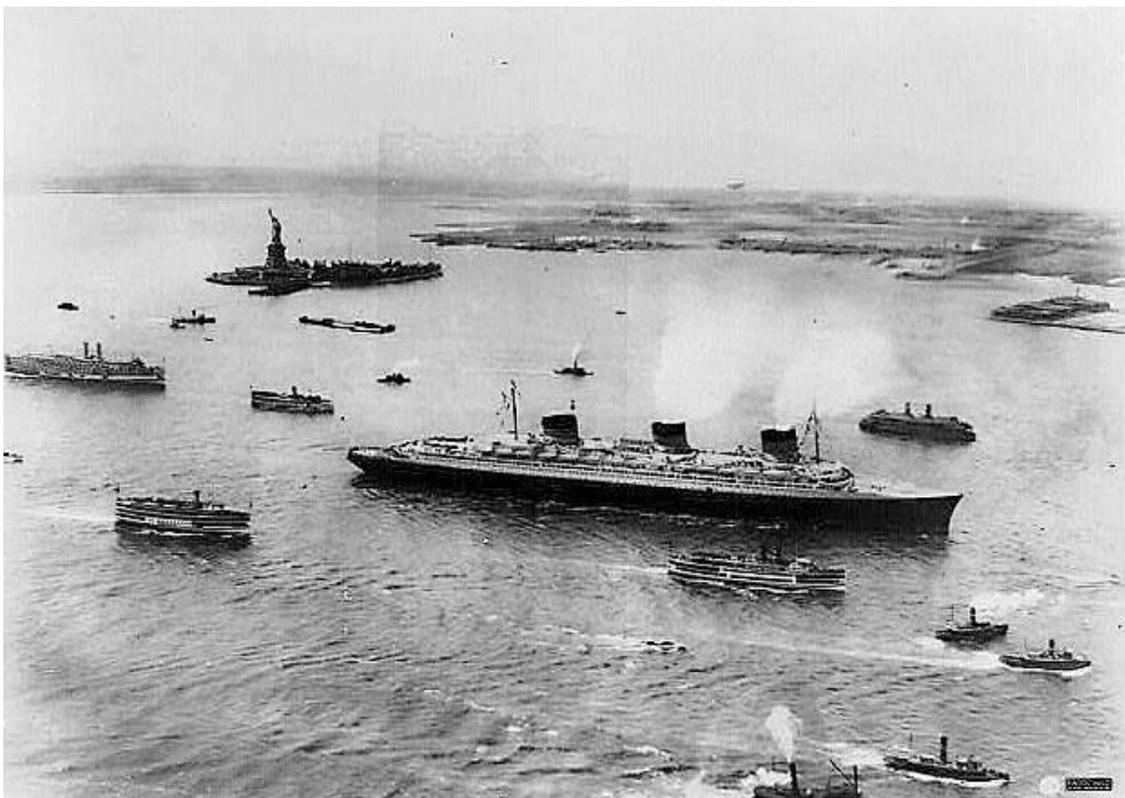
Эту прекрасную историю рассказал мне месье Сюше в качестве «закуски». «Основное блюдо» же заключалось в том, что еще в 1977 году Национальный центр создал специальную группу ЖЕПАН (GERAN) по изучению «неотождествленных аэрокосмических объектов», проще говоря – НЛО. ЖЕПАН собирал все данные национальной жандармерии, армии, ВВС, ВМФ и гражданской авиации. Анализом этих сообщений занималась (и занимается) группа из сорока экспертов: психологи, астрономы, метеорологи, специалисты по физике атмосферы, по космической технологии, по зондам и баллонам. В состав ЖЕПАН входит группа быстрого реагирования, группа анализа следов, сбора и обработки первичной информации и т. д.

ЖЕПАН, постепенно отсеивая различные «свидетельства», сузил свои проверки до одиннадцати французских случаев, в высшей степени достоверных и в высшей степени необычных. Они были исследованы в высшей же степени подробно. В результате только двум из них нашли традиционное объяснение. В остальных девяти случаях расстояние между очевидцем и объектом было не больше двухсот пятидесяти метров. Отчет занимает пять томов, из которых три целиком посвящены анализу этих одиннадцати случаев. Все они, кроме того, произошли в 1978 году. Два из них связаны с наблюдением гуманоидов.

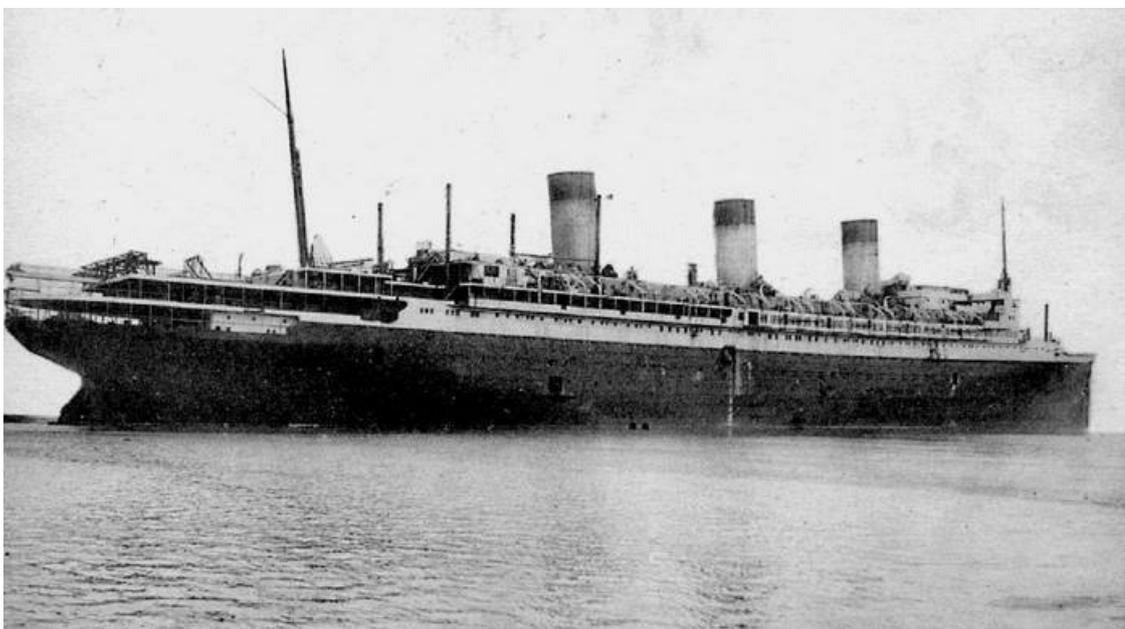
Французский флот – как пассажирский, так и военный – во всей своей красе

Французский линейный корабль «Маренго». Битва с британцами, начало XIX века

Прибытие легендарного французского лайнера «Нормандия» в Нью-Йорк. Начало XX века

Лайнер «Иль де Франс» на стадии отделки. Начало XX века

Военно-морская база ВМФ Франции в Тулоне

Корабль «Гератт»

Капитан-красавец, отец пятерых детей Бенуа Куро

Фантастика? Слушайте дальше: был сделан вывод, что в девяти из одиннадцати случаев очевидцы наблюдали материальные явления, *которые нельзя объяснить как явление природы или как устройство, созданное человеком*. Один из выводов по отчету в целом гласит, что за этим явлением стоит «летательный аппарат, источник тяги и способ перемещения которого находятся за пределами нашего знания».

Авторы приходят к выводу, что в этих случаях очевидцы наблюдали реальные физические феномены, которые не могут быть объяснены известными нам явлениями природы или техническими изделиями.

– Мы относимся к этому выводу со всей серьезностью, – говорит Сюше, – ибо он получен в результате тщательного исследования, проведенного группой компетентных лиц, вполне сознающих свою ответственность.

С 1985 года ЖЕПАН продолжает свою деятельность в рамках новой службы СЕПРА (Служба экспертизы атмосферных явлений). А в 2007 году Франция стала первой (и пока чуть ли не единственной) страной в мире, открывшей свои архивы наблюдений за НЛО.

– Будь это не так, – с улыбкой говорит Лионель, – я бы, как русские говорят, ни хрена бы вам не рассказал об этом.

Следующий пункт назначения – все в том же Тулузе – ENAC, Национальная школа гражданской авиации. Она относится к так называемым **grandes écoles**, буквально «большие школы». И тут мне придется отвлечься.

Во Франции высшее образование делится на два типа – университетское и «большие школы». Согласно закону, все университеты обязаны принять любого абитуриента, живущего в данном городе и имеющего аттестат об окончании лицея (замечу в скобках, что все обучение – от школы и выше – во Франции бесплатное). «Большие школы» – это совсем другое дело. В этих школах, которые большей частью были созданы после революции 1789 года (хотя многие появились и в XIX веке), готовится элита Франции. Элита научная, гуманитарная, экономическая и управленческая. Для поступления в «большую школу» после окончания лицея необходимо готовиться два, иногда три года в специальных подготовительных классах. Можно попытаться поступить и без этого, но это удастся буквально единицам. Вступительные экзамены, письменные и устные, продолжаются в течение нескольких недель. По их итогам абитуриентов распределяют по номерам: сдал первым номером, вторым и так далее. Проходят далеко не все. Не прошедшим позволяют готовиться еще год, но если они опять не пройдут, их путь лежит в университет.

Так вот, ENAC относится к «большим школам». Здесь не только учатся бесплатно, здесь в ряде случаев студентам платят стипендию в размере двух тысяч ста евро в месяц в течение всех трех лет учебы. Но за это надо будет отработать по распределению, то есть на государство, семь лет. Если выпускник самостоятельно находит работу в частном секторе, его наниматель обязан вернуть школе всю полученную им за годы учебы сумму (тридцать шесть умножаем на двенадцать, выходит семьдесят пять тысяч шестьсот евро).

Должен сказать, что я испытал некоторое чувство разочарования, узнав, что среди студентов нет ни одного из России, хотя многие другие страны представлены. Школа оборудована современной аппаратурой, преподают блестящие профессора, уровень наивысший, школа копируется во всем мире. А наших там нет. Почему?

Был очень любопытный и полезный разговор с президентом школы Фаридом Зизи. Мама его немка, отец алжирец, сам он, вне всякого сомнения, француз, выпускник одной из самых престижных «больших школ» Франции, Политекник.

– Каков уровень образования студентов сегодня по сравнению с тем временем, когда студентом были вы? – поинтересовался я.

– Он заметно ниже. Когда телевидение и Интернет заменили чтение, то есть когда учеба стала, скажем так, пассивной, уровень снизился. Да и приоритеты сменились.

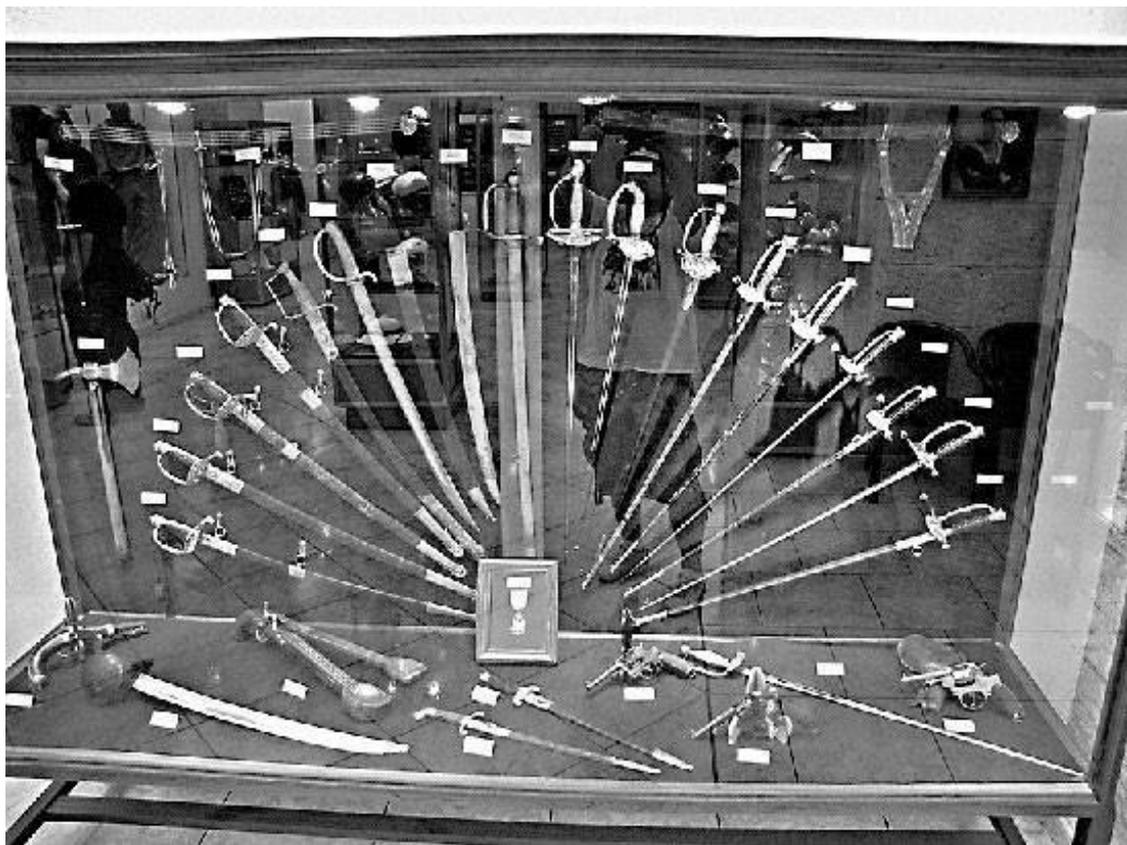
– Каким образом?

Герб города Тулон

В Музее истории ВМФ Франции в Тулоне

– Мы думали прежде всего и главным образом именно о профессии. Нынешние молодые люди думают прежде всего и главным образом о деньгах. Стремятся получить как можно больше, как можно быстрее. И это приводит к падению уровня образования – и не только во Франции, как мне кажется.

Конечно, мы походили по Тулузе. Особо рассказывать об этом не стану, в конце концов, это не туристический гид. Скажу лишь, что Тулуза утопает в истории, ей больше двух тысяч лет, и эта история живет на ее улицах и площадях. Еще скажу, что она поразительно красива: изначально она строилась из особого, сделанного древними римлянами кирпича, что видно и по сей день: в утренних лучах солнца город кажется розовым, днем – оранжевым, а к вечеру – фиолетовым. Это незабываемо.

Говоря о Тулузе, чуть не забыл рассказать вам о нашем посещении другого города, Тулона, куда мы поехали, чтобы посетить противолодочный крейсер французских ВМС.

Те из вас, которые смотрели наш фильм «Одноэтажная Америка», возможно, вспомнят и то, как в городе Норфолке, штат Вирджиния, самой крупной военно-морской базе США, нас фактически выгнали с корабля за то, что я задавал матросам «политические» вопросы. Мне было интересно, повторится ли то же самое во Франции?

Не повторилось.

Для начала нас принял и дал нам интервью комендант базы Паскаль Вилз, то есть мы были приняты на самом высоком уровне. Во время интервью он заметно нервничал, но на вопросы отвечал прямо и твердо, как и положено человеку военному. Был счастлив, когда интервью закончилось.

Затем мы посетили Музей истории военно-морского флота, где самым интересным были толстенные и стариннейшие (с XV века) фолианты, в которых содержалось скрупулезное описание тех, кого за то или иное преступление приговаривали к каторге на галерах. Поразили три вещи. Во-первых, каким удивительно красивым почерком заносились данные. Во-вторых, насколько подробно описывался каждый человек. Упоминалось все: рост, вес, цвет волос, цвет глаз, форма лба, носа, губ и подбородка, брови, уши и, разумеется, любые «особые приметы»: бородавки, пятна, шрамы и так далее. Я только потом сообразил, почему это было необходимо: в те времена не было фотоаппаратов, невозможно было запечатлеть лицо каждого преступника, вот и описывали со всеми подробностями. В-третьих, за какие преступления и как наказывали. Например, записано: такой-то зарезал такого-то в драке. Приговорен к пяти годам на галерах. Или: такой-то ограбил на дороге купца такого-то. Приговорен к пожизненной каторге на галерах.

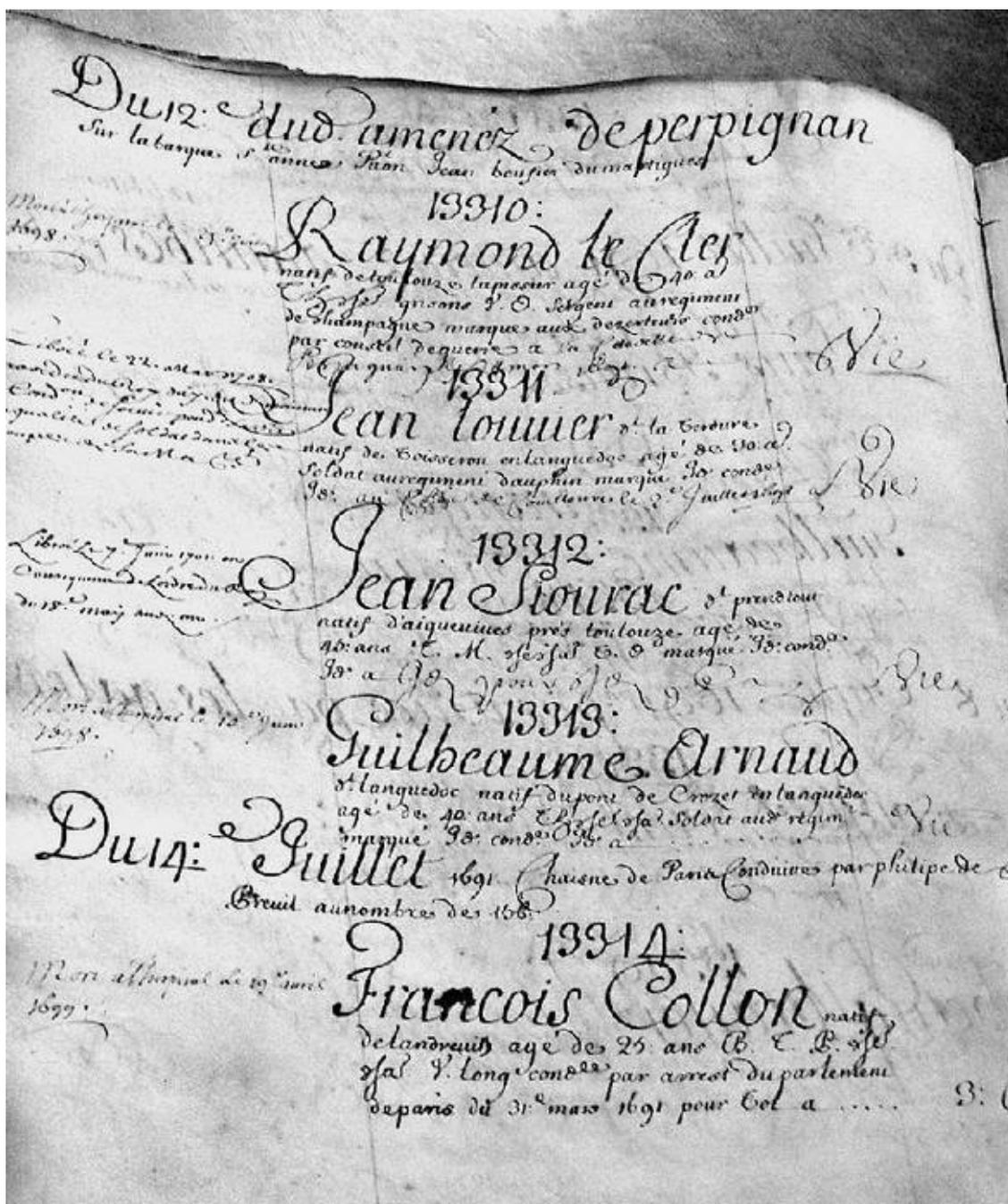
Так мы ехали...

Памятник погибшим морякам

У Музея ВМФ. Что-то я устал...

Страница из «галерной» книги

– Как это так, – спросил я у заведующей музеем, – за убийство – пять лет, а за ограбление – пожизненную каторгу?

– Месье, – ответила она, – в те времена все дороги принадлежали королю, следовательно, любое преступление, совершенное на дороге, считалось преступлением против короля. А это куда серьезнее, чем убийство.

Хотел бы вам заметить, что у французского флота, отцом-основателем которого считается король Генрих IV (1553–1610), давние и славные традиции, но, пожалуй, главным подвигом считается решение затопить весь флот в тулонской гавани, чтобы он не достался немцам (1940).

Итак, после музея мы отправились на корабль «Гепратт», где прямо у трапа нас встретил командир корабля капитан Бенуа Куро. Встретил и не отпускал от себя ни на шаг: провел по всему кораблю, лично все объяснял, отвечал на все вопросы, в том числе на сугубо личные («Вы женаты?» – «Да». – «Дети есть?» – «Есть». – «Сколько?» – «Пять». – «Пять?!» – «Да, месье, пять».) Высокий, стройный, артистичный, красивый, улыбчивый капитан Куро пленил всю съемочную группу своим французским обаянием, показал нам то, что хотел показать, не показал ничего такого, чего показывать не хотел, и выпроводил нас с корабля так ловко и любезно, что мы и сообразить не успели, что экскурсия закончена.

Нет вопросов, французские военные оказались куда умнее и ловчее своих американских коллег...

Я надеюсь, что убедил вас в том, что Франция – не только страна вина, еды и так далее. Но я ничего не сказал вам еще об одном французском открытии, быть может, самом главном...

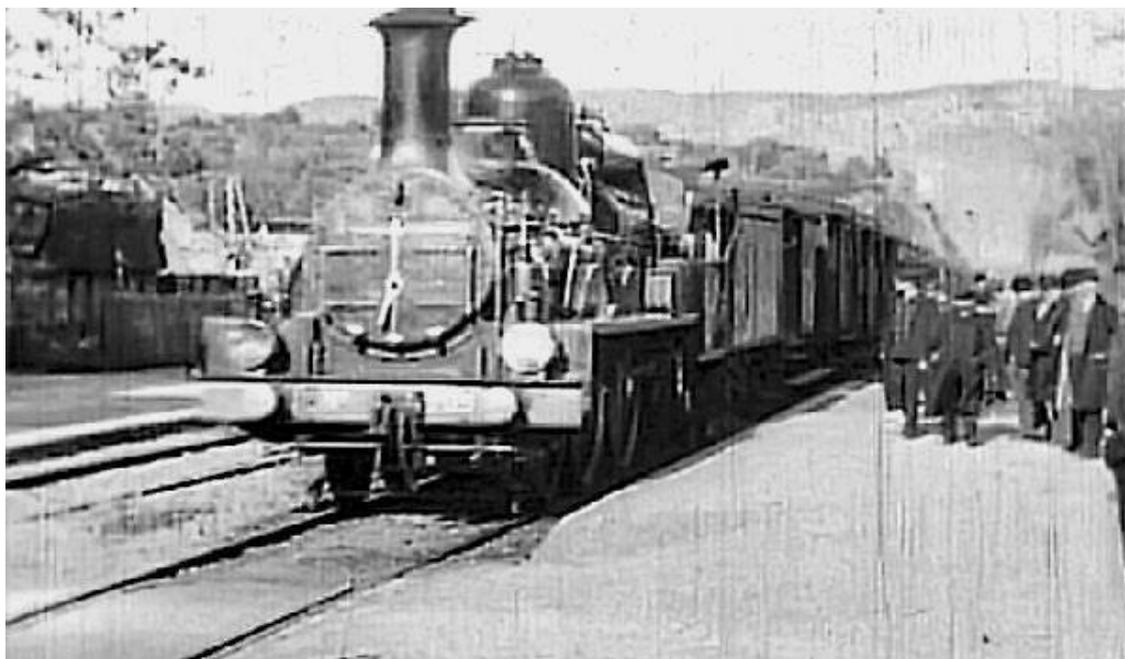
Глава 3

Art, Artisanat, Artiste, Artisan

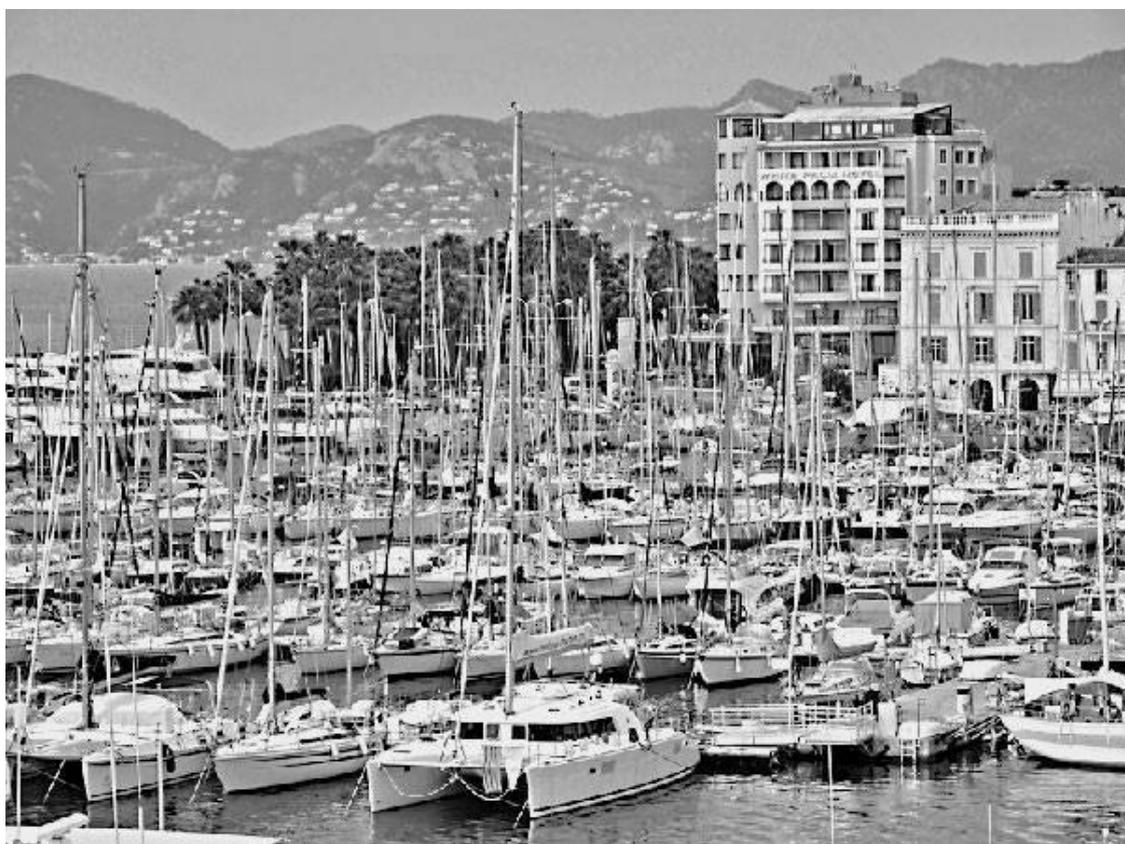
Январским днем 1896 года в единственном зале кинотеатра «Эдем» собралось несколько десятков зрителей, никогда прежде не видевших кино. Вот погас свет, и на экране показался перрон вокзала города Ла Сиота. Вдали появился поезд. Он приближался и приближался, вот он занял весь экран – и зрители повскакали со своих мест, бросились к выходу. Им показалось, что потерявший управление паровоз сейчас прорвет экран и врежется в зрительный зал. Так состоялся публичный показ одного из первых фильмов братьев Люмьер. Длился этот фильм всего лишь пятьдесят секунд – пятьдесят секунд, которые и в самом деле потрясли мир.

Кинотеатр «Эдем» – самый старейший в мире, и нам довелось присутствовать в нем в начале июня 2009 года. Принимал нас его директор Франсуа Фанара, человек, одержимый идеей во что бы то ни стало привести это уникальное, но сильно обшарпанное здание в надлежащий вид. До прихода сюда мы побывали на станции Ла Сиота, где, как и братья Люмьер, сняли приход поезда. Тогда, более ста лет тому назад, все люди, попавшие в кадр, были массовой – это были родственники и знакомые Люмьеров, которых они специально собрали для этой подлинно исторической съемки. Мы обошлись без массовой, но я хорошо помню ощущение, будто нас отнесло на сто с лишним лет назад, что за нами придирчиво наблюдают изобретатели кинематографа Август Мари Луи Николя Люмьер и Луи Жан Люмьер.

Да-да, уважаемый читатель, именно Франция является родиной кино. Вы это знали? А знаете ли вы, что вплоть до конца первой четверти двадцатого века именно Франция была мировой столицей кино? Потом, правда, она уступила это место Голливуду, но французское кино было и остается одним из ведущих в мире. И тут дело не только в традициях и талантах. Дело тут – может быть, главным образом – в политике французского государства, принявшего закон, что на экранах страны не менее сорока процентов фильмов должны быть французского производства. А для обеспечения этого производства деньгами обязательный процент с продажи каждого билета в любом кинотеатре Франции в обязательном порядке перечисляется в специальный фонд и служит для финансирования французских фильмов. Вот это, на мой взгляд, и есть проявление патриотизма: забота о национальной культуре, в данном случае кино, без громких слов, без метания грома и молний в адрес «имперского Голливуда», а путем принятия определенных порядков и законов.

Вы когда-нибудь бывали в Каннах во время Международного кинофестиваля? Нет? Так я вам скажу: это зрелище не для слабонервных. С раннего утра до поздней ночи толпы людей заполняют знаменитую Круазетт – так называется набережная, тянущаяся вдоль Средиземного моря. Кого тут только нет! Красотки, надеющиеся попасть на глаза какому-нибудь знаменитому продюсеру, фокусники, музыканты, художники, предлагающие написать ваш портрет или вырезать из черной бумаги ваш силуэт, карманники, торговцы всем, чем можно и не можно торговать, и толпы зевак, жаждущих хоть краешком глаза, хоть на минутку увидеть какую-нибудь кинозвезду. Не протолкнуться. Вообще в это время слова «не» и «нет» так и реют надо всем. Например: в гостиницах НЕТ мест ни за какие деньги; в ресторанах НЕТ свободных столиков – если только не заказывать их сильно заранее; на пляжах НЕТ лежаков – категорически (во Франции частные пляжи запрещены законом, так что пройти на пляж может каждый, но получить лежак – это уже вопрос к тому, кто арендовал пляж у государства).

Не случайно именно на родине кинематографа проходит самый престижный из всех международных кинофестивалей: нет премии, которая ценилась бы выше знаменитой «Золотой пальмовой ветви». По престижу не могут сравниться ни голливудский «Оскар», ни венецианский «Золотой лев», ни московский «Гран-при».

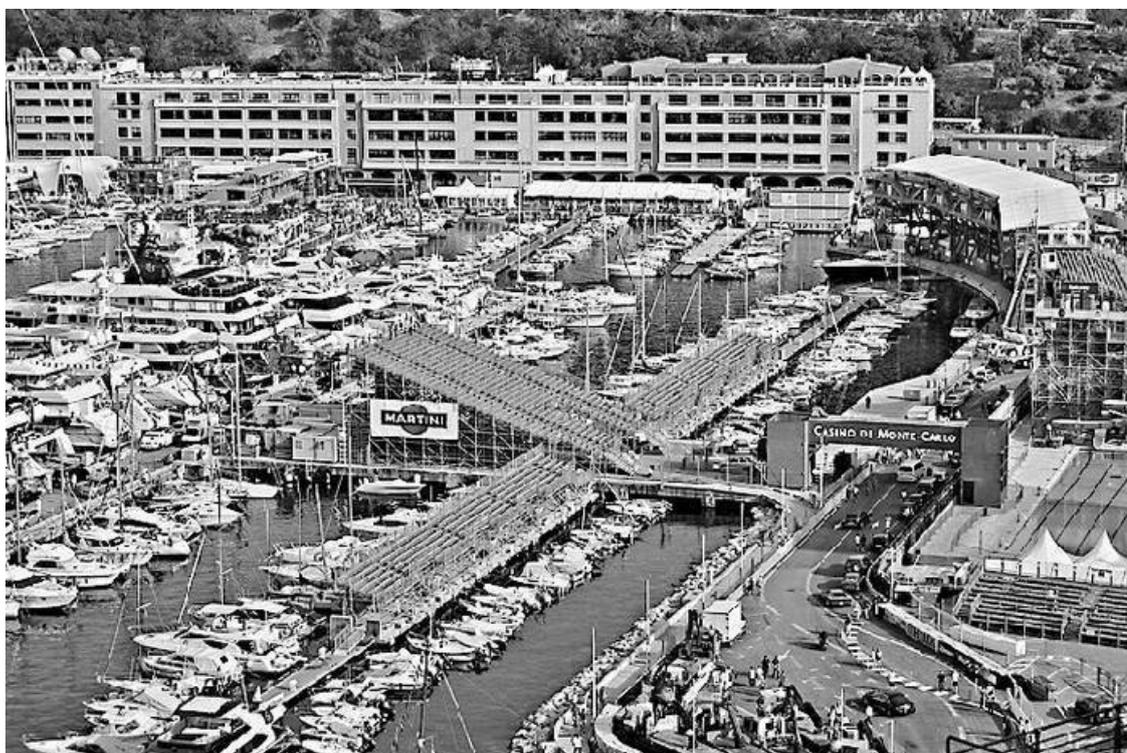
На памятной доске написано: «На этом вокзале в течение 1895 года великий ученый Луи Люмьер, снимая прибытие поезда, создал один из первых фильмов, положивших начало кинематографии...»

Клод Моне. Бульвар Капуцинок в Париже

На фоне братьев Люмьер. Чем мы хуже?

«Принцы, принцы, всюду принцы! Счастливы те, кто любит принцев. Едва ступив вчера утром на набережную Круазетт, я встретил сразу троих, шедших один за другим. В нашей демократической стране Канн стал городом титулов».

Ги де Мопассан

Канны производят странное впечатление – по крайней мере, на меня. Такое чувство, будто город состоит из четырех частей: первая – я назвал бы ее «фестивальной» – тянется вдоль Круазетт и состоит в основном из дорогущих отелей, не менее дорогущих магазинов, некоторого количества многоквартирных домов, ничем не примечательных в плане архитектуры, и ресторанов. Затем есть «старый город», который карабкается вверх по довольно крутому подъему; его отличает невероятное количество ресторанчиков, магазинчиков сувениров и народных промыслов. Есть, конечно, и дома жилые, они расположены вплотную друг к другу, а улицы настолько узки, что заглянуть соседу напротив в окна не составит никакого труда. Часть третья – это район вилл, район **La Californie** («Калифорния»). Расположен он высоко над остальной частью города, «глазами» своих особняков смотрит на Средиземное море, а высоченные каменные стены прячут его от глаз любопытствующих. Здесь живут люди богатые. Очень богатые. Наконец, четвертая часть города – это город как город. Дома как дома. На самом деле Канны отличаются от большинства известных мне французских городов тем, что в нем нет ничего «своего», отличного от других, если, конечно, не считать фестивальную часть. Я плохо представляю себе, что происходит здесь зимой, когда нет никаких фестивалей, нет туристов, нет владельцев особняков, приезжающих сюда только летом, не стоят на якоре громадные яхты, немалая часть которых принадлежит русским, когда многие рестораны закрыты, да и не только рестораны. Думаю, что это тоска зеленая.

Но когда мы были там в самый разгар кинофестиваля, это был нескончаемый карнавал.

Однако запомнилось немного. Был несколько неприятный разговор с Жоэлем Шапроном, представителем компании «Юнифранс», о месте русского кино во французской культуре. Разговор шел на русском языке, которым г-н Шапрон прекрасно владеет, но от этого он – разговор – не стал более приятным, скорее наоборот. Как истинный француз, месье Шапрон был предельно вежлив и выражался в самой изысканной манере, но если перевести на простой русский язык смысл того, что он сказал, то это прозвучало бы так:

– Французы привыкли ценить русское кино, начиная с Эйзенштейна и Дзиги Вертова, Пудовкина и Марка Донского, не говоря о более поздних, в частности, Михаиле Калатозове, Григории Чухрае, Михаиле Ромме и, конечно, Андрее Тарковском. В этот список безусловно следовало бы включить лучшие работы Никиты Михалкова. Но все то, что появляется у вас последние пятнадцать – двадцать лет, настолько плохо, настолько уступает тому, что было, что неловко даже об этом говорить. И если так будет продолжаться, то французы и Франция попросту забудут, что когда-то было Русское Кино.

Запомнился и разговор – куда более для меня веселый – с Марком Сандбергом, внуком литовского еврея, эмигрировавшего во Францию в начале XX века и создавшего легендарную киностудию **La Victorine**. Чтобы вы не считали, что слово «легендарная» я использовал сгоряча, позвольте представить вам список режиссеров, работавших там, и фильмов, оттуда вышедших. Итак, режиссеры: Марсель Карне, Рене Клеман, Альфред Хичкок, Луис Бонюэль, Роже Вадим, Жан Ренуар, Жан Кокто, Стенли Донен, Франсуа Трюффо, Клод Лелуш. Фильмы: «Дети райка», «Фанфан-тюльпан», «И бог создал женщину», «Граф Монте-Кристо», «Разиня», «Лев зимой», «Американская ночь».

Черняев явно позирует...

а Кононыхин – нет!

Даю интервью на рынке местному телевидению

Мы конечно же поехали снимать это историческое место, которое находится на окраине Ниццы, – и были весьма огорчены. Собственно студии нет – здесь ничего не снимают с середины 80-х годов прошлого века. Но нет и музея, хотя он напрашивается, учитывая близость Канн, сюда навевались бы тысячи и тысячи. Насколько я смог понять, кое-какие работы здесь ведутся в тон-студиях, но не более того. Гид с гордостью показал нам бассейн, который якобы был построен по настоянию Элизабет Тейлор, когда она снималась здесь с Ричардом Бертоном, но больше показывать было нечего, если не считать своего рода ангара, где сосредоточены разнообразные машины и механизмы тридцатых годов – они давно пришли в негодность и производят довольно жалкое впечатление... Словом, я не знаю, бывал ли здесь Марк Сандберг, но если бывал, не мог не расстраиваться из-за того, в каком состоянии находится детище его литовского деда.

Я полагаю, что вы ждете рассказа о встречах со звездами французского кино. Вынужден огорчить вас. До звезды – в прямом и переносном смысле – очень далеко, они отгорожены от нас защитными слоями, безвоздушным пространством, словом, доступ к ним крайне ограничен. Нам удалось пробиться лишь к двум – к Софи Марсо и Жану Рено. Хочу заметить, что сами звезды, как правило, вполне контактны и приятны – когда до них доберешься.

Софи Марсо, снявшаяся в более чем тридцати фильмах, запомнилась мне своей необыкновенной красотой и совершеннейшей естественностью: никакой аффектации, все просто, на любой вопрос – прямой ответ. То есть ни намека на звездность.

То же самое можно сказать о Жане Рено, одном из немногих не американских актеров, который добился абсолютного успеха в Голливуде.

– Чем вы объясняете это? – спросил я его.

Он пожал плечами – очень это по-французски – и сказал, чуть иронично улыбаясь:

– Может быть, из-за физических данных. Ведь видно: если что, могу и отвесить кое-кому.

Он был уставшим, сказал, что ночами не спит:

– Только что родился сыночек, орет ночами напролет.

И снова: абсолютная простота. Когда вся группа стала просить его сфотографироваться с ними, согласился без звука. Словом, симпатяга. Хотя отвесить, несомненно, может.

Название этой главы – **Art, Artisanat, Artiste, Artisan** – следует перевести как «Искусство, ремесло, художник, ремесленник». Во французском языке в корне всех четырех слов стоит слово **Art** – «искусство», а это говорит о том, что для француза нет принципиальной разницы между искусством и ремеслом, между художником и ремесленником, чего не скажешь о русском варианте. Да вообще, странная произошла метаморфоза в России с толкованием этого понятия. Если сказать о человеке, что он – ремесленник, то это, скорее, имеет отрицательное значение. Чуть лучше обстоят дела со словом «ремесло», но и оно не отличается позитивным звучанием, поскольку предполагает, в частности, отсутствие *творческого начала*.

Софи Марсо: никакой аффектации, все просто, на любой вопрос прямой ответ

Софи Марсо. Просто прелесть

Взять, например, многие российские народные промыслы: жостовские расписные подносы, оренбургские платки, палехские шкатулки. Это что такое? Безусловно, ремесленное производство, сделано это ремесленниками. Но если вы так скажете, вам возразят, что вовсе не ремесленниками, а художниками. Слово «ремесленник» принижает. Во Франции все обстоит совершенно иначе. Там разница между *artiste* и *artisan*, то есть между художником и ремесленником, заключается лишь в том, что они занимаются разными делами, но в их основе лежит искусство. И как мне кажется, это различие имеет принципиальное значение и в какой-то степени дает ключ к пониманию того, кто такие французы.

Но это я, так сказать, к слову. Хотел же я рассказать о посещении нами двух мест. Первое – это ателье Ришара Лерейя, профессия которого по-французски называется **illuminateur**. Перевода этого слова я не нашел. Буквально это означает «осветитель», но как вы понимаете, речь идет не о человеке, который с помощью юпитеров и прочих световых приборов что-либо освещает. Иллюминатор – это человек, который... Нет, так не пойдет, придется отступить на много веков назад.

Еще до Гуттенберга и Ивана Федорова, когда не было печатных станков, книги писались от руки, и писались они почти исключительно в монастырях. Специально обученные этому делу монахи тщательно выводили слова органическими чернилами, которые сохранились и по сей день так, что фолианты XIII–XIV веков читаются, словно были написаны вчера. И помимо написания монахи эти книги «освещали», то есть они разрисовывали заглавные буквы разными красками, по ходу текста создавали маленькие иллюстрации поразительной красоты. Когда же возник печатный станок, монашеский труд перестал быть необходимым, и постепенно секрет иллюминации был утерян. Был забыт секрет изготовления органических красок, исчезла сама профессия осветителя. Исчезла, но... не совсем. Как всегда, нашлись подвижники, которые сохранили это искусство, есть они сегодня, но, насколько я знаю, только во Франции. Да и тут их всего четыре человека. Ришар Лерей – один из них.

С Жаном Рено. Такой же симпатичный, как и здоровый

Он был уставшим, сказал, что ночами не спит: «Только что родился сыночек, орет ночами напролет»

Его мастерская находится в аббатстве Фонтевро, крохотном городке в долине Луары с населением около двух тысяч жителей. Здесь он готовит краски, здесь он расписывает картоны, здесь он учит двух подмастерьев с тем, чтобы «освещение» не погасло. В основном он пишет

миниатюры, подробность которых поражает. Но если вам угодно, вы можете заказать расписную картинку буквы вашего имени или вашей фамилии, и вы получите совершенно уникальное произведение, отливающее золотом, киноварью и множеством других красок, названия которых мне неизвестны.

Почему именно здесь и именно во Франции сохранилось это ремесло, ведь иллюминаторы никогда не считались художниками? Может быть, потому, что рядом расположилось великолепнейшее аббатство, давшее этому место свое имя? Может быть, потому, что над этим местом витают души средневековых монахов-иллюминаторов? Тут можно строить всякого рода догадки и теории, которые, по правде говоря, меня мало интересуют. Важно то, что древнее ремесло не исчезло и что оно, ремесло, ценится наравне с тем, что принято величать искусством.

А теперь я приглашаю вас в городок Биот, что расположился на горной возвышенности километрах в двадцати от Ниццы. Биоту не менее двух с половиной тысяч лет. О нем ходит легенда, что здесь, где-то в пещере, рыцари-крестоносцы спрятали часть своих несметных богатств. Так это или нет, но время от времени сюда приезжают кладоискатели – пока безуспешно. Городок совершенно изумительный: попав в него, у вас сразу же возникает ощущение, что время отбросило вас лет на восемьсот назад, в Средневековье. Улочки узенькие, мощенные кирпичом и булыжником, поразительно красивые входные двери и ворота, каждый дом со своим, совершенно особым лицом. И вот среди этой красоты живут люди.

Comme taimondin par ladmonestemēt de son frē regarda melusine
la femme estant au baing et cōment il en fut courouce contre son frere

Atelier
Festina Lente
Richard Leray
Enlumineur - Coloriste

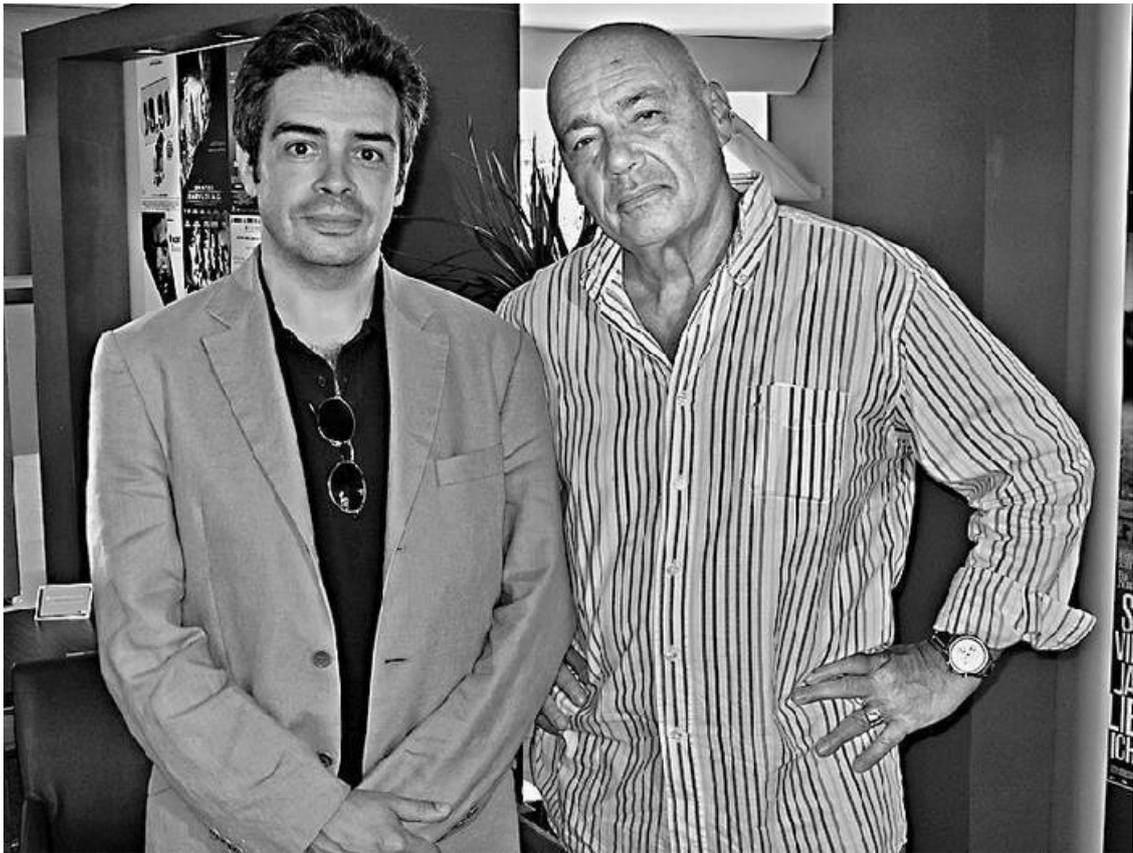

49590 Fontevraud - L'abbaye
Entrée libre   tél: (02) 41.38.15.69

Complément: 100 pages de notes en couleurs - Richard Leray

Искусство иллюминации

С Жозелем Шапроном в Каннах

Иван на заводе стекла «Дом»

В доме братьев Люмьер

Позвольте небольшое отступление. Много лет тому назад, еще в глубокое советское время, когда я был ответственным секретарем журнала «Совет Лайф», который издавался Советским Союзом в обмен на журнал «Америка», я поехал в столицу советской Литвы, Вильнюс, чтобы взять интервью у архитектора, который получил Ленинскую премию за проектирование жилого района Лаздинай. Если мне не изменяет память, фамилия его была Чеканускас. Если вы бывали в Вильнюсе, то вы должны быть знакомы со старым городом, многие здания которого относятся к XV–XVI векам. В те времена, при всей их внешней красоте, жить в них было сложно: не было современной канализации, квартирki были крохотные, да и ухода за ними не было никакого. А тут как раз решили привести их в порядок, что было крайне трудно: улицы здесь были настолько узки, что не было доступа для современной строительной техники, каждый кирпич надо было вынимать вручную, и за каждый вынутый кирпич надо было заплатить рабочему три рубля, что тогда было неслыханно много. Вот я решил задать архитектору «провокационный» вопрос:

– Зачем вы тратите столько денег и времени на реконструкцию этих старых домов? Почему бы вам не снести их и построить новые, современные?

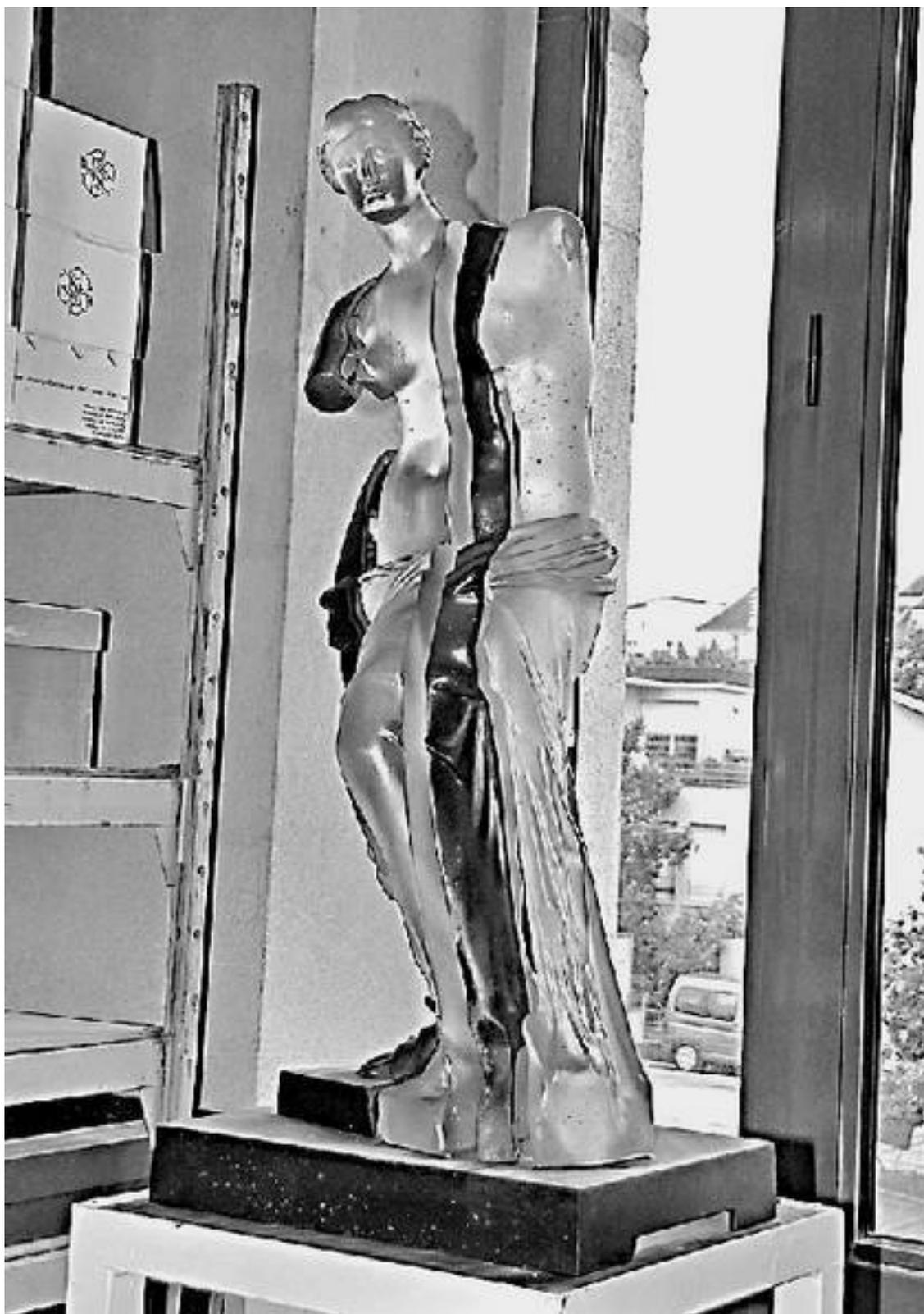
Чеканускас посмотрел на меня с нескрываемым удивлением и ответил:

– Эти дома, да и весь старый город, необыкновенно красивы, а человек, который рождается в красоте и живет в красоте, – это совсем другой человек, нежели тот, который всю жизнь окружен уродливыми современными безликими домами.

Тут я сразу вспомнил фильм «Заводной апельсин» Стенли Кубрика и молча, про себя, поплодировал архитектору.

Стекло «Дом»

Стекло – одно из самых древних веществ и обладает разнообразными свойствами. Долгое время первенство в открытии стеклоделия признавалось за Египтом. Свидетельством этому являются глазурованные стеклом фаянсовые плитки, которыми облицованы изнутри пирамиды Джессера, XXVII век до н.э. Цилиндрическая печать из прозрачного стекла, которая была найдена в Месопотамии в районе Ашнуака, еще древнее, ей около четырех с половиной тысяч лет. В Берлинском музее хранится бусина зеленоватого цвета диаметром около 9 мм, она считается одним из древнейших образцов стеклоделия. Она была найдена около Фив, и по некоторым представлениям, ей пять с половиной тысяч лет. Одну из легенд об открытии техники изготовления стекла приводит естествоиспытатель и историк Плиний Старший. Эта мифологическая версия гласит, что однажды финикийские купцы на песчаном берегу, за неимением камней, сложили очаг из перевозимой ими африканской соды – утром на месте кострища они обнаружили стеклянный слиток. Самые ранние рукотворные образцы стекла – это украшения. Некогда только стекло могло соперничать с золотом в цене. Ныне стекло используется и для промышленных задач, и для задач искусства.

Вернемся в Биот. Если я скажу вам, что Биот славится своими ремеслами, особенно стеклодувами, – вы удивитесь? Ведь красота рождает красоту, и люди, рожденные в красоте, так или иначе потом выражают эту красоту через свои дела. Итак, мы поехали в Биот, чтобы посетить стекольную фабрику – только не подумайте, что речь идет о заводе, где машины десятками тысяч штампуют совершенно одинаковые бутылки и банки. Нет-нет, речь о фабрике, в которой производят красивейшие предметы из биотского стекла, чаще всего цветного, реже прозрачного, но всегда с россыпью воздушных пузырьков внутри. И это, конечно, творения стеклодувов.

Эта фабрика принадлежит прекрасной Анн Лечашински – высокой, стройной, элегантной блондинке с тонкими чертами лица, выразительными руками и не менее выразительными голубыми глазами. Когда-то фабрика пришла в упадок, и два американца решили купить ее задешево, чтобы превратить в картонажную. Прослышав об этом, отец Анн возмутился: «Как?! Вместо прекрасного стекла – картон? Да не бывать этому!»

И сам купил фабрику.

Я провел там несколько часов. Невозможно оторваться от этого волшебства, от того, как раскаленный докрасна стеклянный шар выдувается мастером и становится то изящным бокалом, то винным сосудом... И заметьте, нет и не может получиться двух совершенно одинаковых, потому что каждый предмет выдувается вручную мастером... В конце концов я не выдержал и попросил разрешение что-нибудь да выдуть – что мне было позволено. И когда я сумел создать вполне приличный розовый с оттенком золота сосуд, я был счастлив так, как редко бываю счастлив.

Разговор с Анн Лечашински был особенно интересен ее рассказом о том, как французское государство поддерживает такие ремесла: дает серьезные налоговые льготы и оказывает финансовую поддержку.

Вы случайно не обратили внимание на то, что фамилия «Лечашински» мало похожа на французскую? А если обратили, не задались вопросом – а как человек с такой фамилией может быть французом? И вообще, кто может считаться французом в стране, когда-то написавшей на своих знаменах бессмертные слова «Свобода, Равенство, Братство»?

Глава 4 Французы «настоящие» и французы «как бы»

Справка: население Франции составляет чуть больше шестидесяти пяти миллионов человек, из которых около двух миллионов проживают на заморских территориях и шестьдесят три – собственно во Франции. В соответствии с законами Франции французом считается любой человек, имеющий французское гражданство вне зависимости от цвета кожи, вероисповедания и этнического происхождения. Кстати, это принципиально отличается от положения дел в России, в которой существуют два понятия: гражданство и национальность. Человек может сказать: я – российский гражданин, но по национальности я – татарин, чукча, украинец и так далее. Во Франции вашим этническим происхождением не интересуется никто, интересоваться этим (равно как и вашим вероисповеданием или его отсутствием) запрещено законом. Если человек хочет сказать, например: «Я – француз русского происхождения», то это его дело. Но формально и с юридической точки зрения он – француз. Другими словами: у вас есть французский паспорт? Значит, вы – француз, точка. Впрочем, точка ли?..

Когда мы снимали свой фильм, выступление президента Саркози относительно необходимости насильственной высылки эмигрантов-нелегалов (читай – цыган) еще не прозвучало. Равно как и слова о необходимости принятия закона, который предусматривал бы возможность лишения получившего французское гражданство эмигранта или сына/дочери этого эмигранта, пусть рожденных во Франции, за совершение серьезного преступления против любого представителя власти (полицейского, почтальона и т. д.).

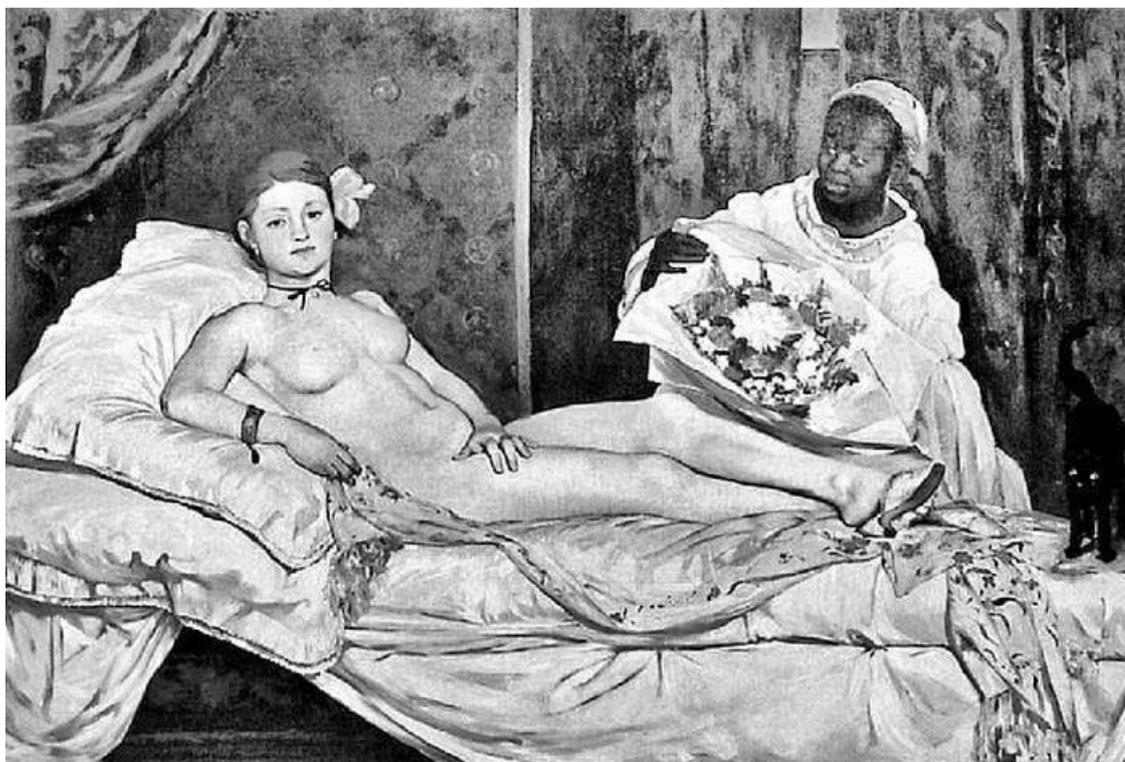
Несмотря на международные протесты, к высылке цыган приступили незамедлительно. Что касается предложенного закона, то он не принят и, готов предсказать, принят не будет. Иначе получится узаконенное положение о гражданах двух сортов: «настоящих» и «как бы». Ведь если «настоящий» француз совершит точно такое же преступление, его невозможно лишить гражданства. Но если рожденный во Франции сын эмигранта, гражданина Франции, получив гражданство (паспорт) в семнадцать лет, такое преступление совершит, его гражданства лишить можно. Значит, перефразируя Оруэлла, «все граждане равны, но некоторые граждане равнее...».

Только после нашего отъезда – в ноябре 2009 года – началась «Дискуссия о национальной самобытности», детище г-на Эрика Бессона, министра по делам иммиграции и национальной идентичности. В течение четырех месяцев дискуссия шла во всех трехстах сорока двух округах страны, дискуссия, которая должна была дать ответ на два вопроса: 1) «Что значит для вас быть французом?» и 2) «Как лучше передать ценности нашей нации выходцам из других стран, которые приезжают к нам, остаются и становятся частью нашего национального сообщества?»

Вы, конечно, понимаете, что, если понадобился такой «национальный проект», значит, есть серьезные проблемы. Проект этот, в общем, мало что дал. Большинство французов не поддержали его (40 процентов), его не приняли ни левые, ни правые, и итогом его были следующие решения: ужесточить требования обязательного экзамена по французскому языку для иностранцев, вывешивать государственный флаг на школьных фронтонах и текст Декларации прав человека в классах, раз в году в школах распевать национальный гимн. Признаться, эти меры вызвали у меня ироничную улыбку: во всех американских государственных школах первый урок начинается с того, что во всех классах все хором повторяют клятву верности Соединенным Штатам Америки (каждый день!). Кроме того, ни одна игра в высшей баскетбольной, футбольной, бейсбольной и хоккейной лигах не начинается без того, чтобы на поле, площадку или лед не вышел человек (или группа) и не спел бы национальный гимн. Но то в Америке, стране, как ни говори, не слишком изоцированной и еще молодой. Но чтобы приняли нечто похожее во Франции?! Это и в самом деле наводит на мысль о том, что есть проблемы.

Франция открыла свои двери для иммиграции лет сто пятьдесят назад, то есть она имеет давний опыт интегрирования приехавших чужестранцев. Но каких именно чужестранцев? Как выясняется, это вопрос совершенно принципиальный. Одно дело – иммигранты из стран евро-

пейских, стран, имеющих с Францией общие религиозно-исторические и культурные корни, иммигранты из Италии и Испании, Португалии и Германии и так далее. И совсем другое дело, когда речь идет об иммиграции из Азии и Африки. Не будем забывать о том, что Франция была империей, она воевала за сохранение этой империи, воевала много и кроваво, в частности, в Индокитае и Северной Африке. И, проиграв эти войны, стала мучиться чувством раскаяния: были приняты законы о льготах для иммигрантов из бывших колоний, главным образом Магриба (стран Северной Африки – Алжира, Марокко и Туниса). А это чужестранцы совсем другого рода: ни в культуре, ни в религии, ни в историческом прошлом у них нет ничего общего с Францией и французами. Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что никакой настоящей интеграции не произошло: чернокожие мужчины женятся почти исключительно на чернокожих женщинах, магрибляне на магрибянках, живут они в городах компактно, не то чтобы в гетто, но в совершенно определенных районах, которые отличаются не только уродливостью домов, но и опасностью. Уровень безработицы среди них в несколько раз выше, чем среди «настоящих» французов, христианами они не становятся и, следуя исламу, носят головные платки, бурки и прочие одеяния, которые им предписаны религией, вступая в прямой конфликт с законами светской страны, декларировавшей в 1905 году отделение церкви от государства и церкви от школы.

Знаменитые французские картины разных веков

Эдгар Мане. Олимпия. XIX в.

Жорж де Латур. Шулер с бубновым тузом. XVII в.

То и дело возникают настоящие баталии между «арабской» молодежью (ставлю слово в кавычках, потому что на самом деле они родились во Франции и по закону являются французами) и полицией, которая предпочитает вообще не появляться в «арабских» районах Парижа, Марселя и других городов.

Когда мы были в Марселе, мы посетили семью Мохамеда Гуада и Хассины Хамдад. Мохамед – статный, красивый мужчина, родился во Франции, прошел военную службу в рядах французских вооруженных сил, является социальным работником. Говорит по-французски ровно так, как говорят французы. Его жена, Хассина, родилась в Алжире, приехала во Францию совсем девочкой, вышла вскоре замуж за Мохамеда, родила ему четырех детей, тоже является социальным работником.

Угощали нас восточными сладостями, разными «Пепси», «Кока» и «Спрайтом», чипсами, орешками и... вином.

– Вы разве пьете вино? – спрашиваю я Мохамеда. – Ведь ислам...

Он отвечает, смеясь:

– Ну, мы-то не очень соблюдаем ислам, если не считать некоторых праздников. Так что вино пьем.

– И дети наши ходят в католическую школу, – встревает Хассина.

– Почему? – удивляюсь я.

– Чтобы они чувствовали себя французами, а не сразу оказались бы здесь чужими, – отвечает она.

– А вы себя чувствуете французами?

Наступает несколько напряженная тишина. Потом Мохамед говорит:

– Нам не дают себя чувствовать французами.

– ???

– Нас считают ворами, преступниками, это априори.

Пока Мохамед говорит, дети сидят и молча слушают. Тут вступает в разговор Иван:

– Если бы играли друг против друга сборная Франции и сборная Алжира по футболу, вы бы за кого болели?

Мадам Грегуар – французенка или как бы?

«Марьяна» – символ французской революции, свободы, равенства, братства

Потолок в семье иммигранта Грегуар

Семья Грегуар

Сценка в Лурде

Взрослые опять молчат. Не молчит старший сын, которому лет двенадцать. Он чуть ли не подсакивает и громко говорит:

– За Алжир!

Напоминаю: этот разговор происходил в Марселе, население которого на 15 процентов состоит из выходцев Магриба. Представляете, 15 процентов! И казалось бы, они должны быть рассеяны по городу, но нет, они почти исключительно живут в «алжирском квартале». Нет, это не гетто в традиционном смысле слова, это, скорее, нечто похожее на «немецкую слободу», в которой людям одной культуры удобнее жить рядом друг с другом. Жить среди «настоящих» французов они не хотят, да и «настоящие» французы не хотят этого. Так о какой интеграции речь?

Но все-таки выходцы из Магриба живут в самом городе, а не где-то на его окраине – это я говорю о Марселе. Что до Парижа, то там все обстоит именно так: представители иммиграции, будь она из Магриба или черной Африки, живут на окраинах. Например, в Нантере, где мы встретились с семейством Грегуар. Там были мама с папой, им около пятидесяти лет, их приятель, приехавший к ним из Кот-д’Ивуар, и две дочери, которым около двадцати лет. Они родились во Франции, совершеннейшие француженки как по языку, так и по одежде, ходят на работу, но признаются, что все их друзья – такие же черные, как они, что между ними и «настоящими» стоит невидимый, но совершенно непроницаемый и неодолимый барьер.

– Вы останетесь во Франции? – спрашиваю я.

Тут вступает папаша, который полулежит в кресле, обнажив при этом довольно большой круглый живот:

– Да, мы останемся, мы никуда не уедем, нам здесь нравится. И пройдет время – не такое уж большое – и Францией будем управлять мы.

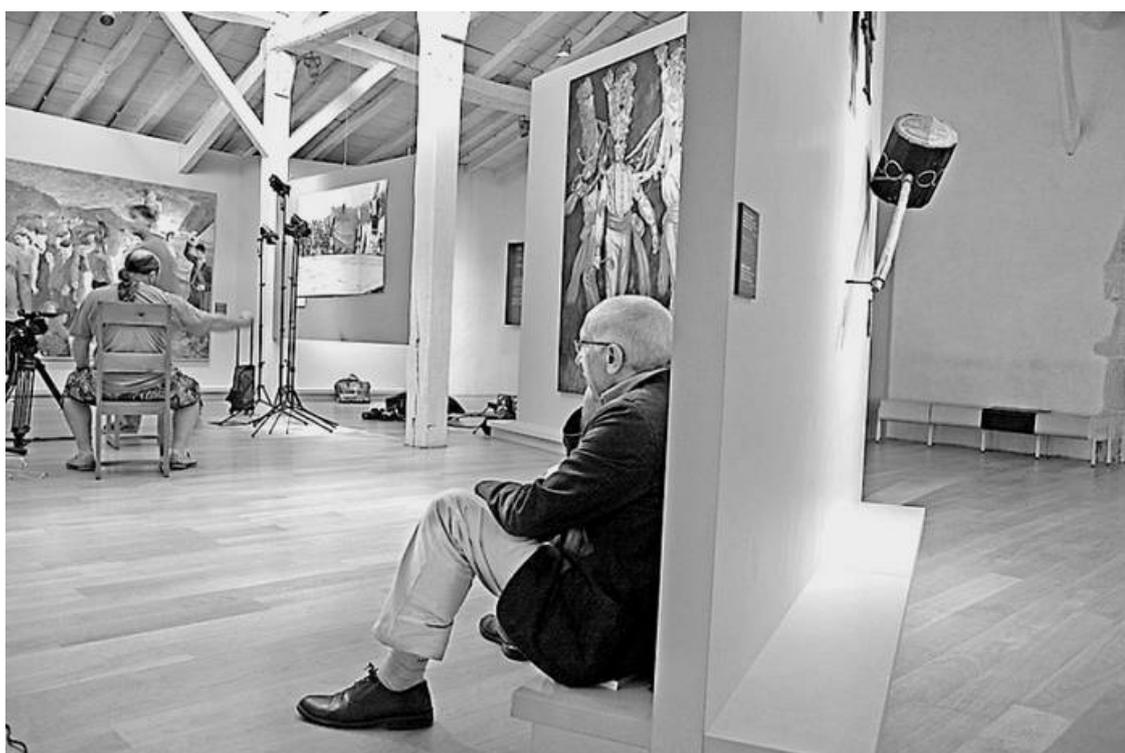
– ???

– Мы рожаем в два-три раза больше детей, чем они, нас станет больше, чем их, вот тогда мы и будем рулить.

Интеграция?

В Нантере же мы были в гостях у Джамилы Аллауи и ее мамы. Принимали нас по высшему разряду: восточные сладости, кофе, на все просьбы – «пожалуйста». Джамила тоже родилась во Франции, является гражданкой Франции, что не мешало ей совершенно открыто говорить нам о том расизме, с которым ей приходится сталкиваться. Например:

– У меня – университетское образование и степень. Казалось бы, особых трудностей с получением работы быть не должно. Но достаточно позвонить куда-нибудь и на вопрос нанимателя ответить, что меня зовут Джамила, и я услышу, что место уже занято. Но однажды я сказала, что меня зовут Изольдой, и меня тут же пригласили на собеседование.

Музей баскской истории и культуры в Байоне

Месье и мадам Эррамур, владельцы бара в Байоне

– И что же?

– А то, что я получила должность, потому что очень легко отказать по телефону, а тут я сижу перед человеком, разговариваю с ним и сумела ему доказать, что я и есть тот человек, который нужен ему.

В течение всего этого разговора мама Джамилы, которая очень плохо говорит по-французски, была явно обеспокоена, то и дело возражала дочери, что, мол, нет никакого расизма, что все у них хорошо, что зря она это говорит. Говоря проще, мать была напугана тем, что ее дочь, откровенничая с нами, журналистами, да еще русскими, подвергает себя опасности.

Для полноты впечатления мы напросились в китайскую семью. Мадам Чен проживает в 13-м округе (**arrondissement**) Парижа, который считается «китайским». Всего в Париже порядка ста двадцати пяти тысяч китайцев, то есть гораздо меньше, чем в Нью-Йорке или Сан-Франциско. Здесь нет никакого «чайна-тауна», но есть «китайские кварталы», помимо 13-го это 3-й, 10-й, 11-й и 19-й округа. Есть принципиальное отличие мест проживания китайцев от мест проживания иммигрантов из Африки, как северной, так и черной. Разница заключается в том, что, во-первых, китайцы живут не на окраинах Парижа, а в самом городе, и во-вторых, в китайских районах нет ни малейшей преступности. Как рассказал мне один высокопоставленный полицейский чин, который пожелал сохранить свое инкогнито, «с китайцами нет никаких проблем, они сами контролируют свои районы, чужой там если и появится, то сразу почувствует на себе китайскую опеку, нам там делать нечего, они сами прекрасно управятся».

В связи с этим – и не только – у меня возник совершенно неpolitкорректный вопрос, основанный не на научных, а на сугубо личных наблюдениях. Начну издали. Когда я хотел написать «отроком», но понял, что слово хотя и прекрасное, но пахнет нафталином, поэтому пишу совсем не русское слово «тинейджер», – итак, когда я тинейджером учился в самой престижной школе города Нью-Йорка («Питер Стайвесант Хай-Скул»), лучшими учениками были евреи. Это был общепризнанный факт. Школа была, как говорят в Америке, «пуб-

личной», то есть не частной, она была открыта для всех, но для поступления необходимо было сдать конкурсные вступительные экзамены по английскому языку и математике. Мог поступить любой, кто прошел по конкурсу. Тогда школа была почти сплошь «белой», хотя было несколько афроамериканцев.

Древняя баскская фигурка

Средневековый город Динан в Бретани

Уехал я из Штатов в 1948 году, и прошло тридцать восемь лет, прежде чем вернулся. Понятно, первым делом решил навестить свою старую школу. Поразило только одно: количество «азиатских» лиц. Как выяснилось, это были в основном китайцы американского происхождения, корейцы, вьетнамцы и японцы. «Это наша гордость, – сказал мне директор школы, – это наши лучшие ученики». Это было в 1986 году. Прошло еще четверть века. Вы думаете, что-нибудь изменилось? Ошибаетесь: все осталось по-прежнему, именно выходцы из Азии – главным образом из Китая – учатся лучше всех, побеждают на всех олимпиадах.

Абсолютно то же самое происходит во Франции: выходцы из Китая и других стран Азии являются лучшими учениками.

Кто-нибудь может объяснить мне, почему это так? Выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии, открывший вместе с Фрэнсисом Криком строение ДНК, Джеймс Ватсон ответил бы мне так: «Гены, дорогой мой, гены». Но я категорически отвергаю мысль, будто одни народы и расы в чем-то выше, а другие в чем-то ниже других. Может быть, есть другое объяснение?

Ладно, пошли дальше. Известно, что где бы ни жили китайцы, они не поддаются ассимиляции. Например, они живут в городе Сан-Франциско уже значительно более ста лет, но «чайна-таун» нисколько не уменьшается, там по-прежнему китайцы рождаются, живут и помирают. А в Нью-Йорке тот же «чайна-таун» моего детства все разрастается, постепенно заглывающая район «Маленькая Италия»: итальянцы ассимилировались, китайцы же – нет, причем часто до такой степени, что они даже не говорят по-английски.

В Париже, как я уже говорил, нет «чайна-тауна», но есть районы плотного проживания китайцев. Хотя эта иммиграция не поддается ассимиляции и, очевидно, к ассимиляции не стремится, это не создает никаких проблем. Они в основном законопослушны, прекрасно учатся, работают. Другими словами, живя в чужом «монастыре», они не нарушают его «устав». Получается так, что народы с общими историко-культурно-религиозными корнями довольно легко ассимилируются, к примеру, европейцы (в том числе русские) в разных европейских странах и США. Народы, имеющие иные историко-культурно-религиозные корни, чаще всего НЕ АССИМИЛИРУЮТСЯ, примером чему могут служить: а) выходцы из исламских стран (в том числе Турции), б) выходцы из черной Африки, в) выходцы из Азии. Вот я и задаюсь вопросом: не может ли быть так, что стремление к «мультикультурализму» и «ассимиляции» на самом деле есть, в лучшем случае, **wishful thinking**, то есть принятие желаемого за действительное, а в худшем – политическая игра?

Во всяком случае, довольно подробно ознакомившись с положением дел во Франции, в которой проживают около пяти миллионов мусульман, мне показалось, что уровень расизма во Франции ничуть не меньше, чем, скажем, в Америке или в России. И что в самом деле страна делится на французов «настоящих» и французов «как бы», и, что самое печальное, не очень понятно, как Франция будет решать этот вопрос.

Бессмертный лозунг «Свобода, Равенство, Братство», рожденный Французской революцией 1789 года, для многих, в том числе и для меня, потерял свой начальный призывный блеск.

Еще две виньетки.

Патрик Пуавр д'Арвор – один из самых известных телевизионных журналистов Франции. В течение многих лет он вел самую главную новостную программу канала ТФ-1. Когда к власти пришел Николя Саркози, ППДА, как зовут журналиста во Франции, турнули. За что, спросите вы? А за то, что когда он интервьюировал Саркози – тот еще не был президентом, он обошелся с ним не слишком учтиво, назвав его неопытным мальчишкой среди взрослой компании. Саркози оказался злопамятным – и добился его увольнения. А как же свобода печати, спросите вы?

Как бы то ни было, я интервьюировал ППДА в офисе небольшой телевизионной компании, где он снимает какие-то документальные фильмы. Спрашивал я его о разных разностях, в том числе о проблеме иммиграции из Магриба. Сказал он мне примерно следующее:

– Франция всегда была и остается открытой для иммиграции. Но только при том условии, что люди, приезжающие к нам, принимают нашу культуру, наши порядки, наш образ жизни. Париж – не Багдад и не Кабул, и мы не допустим, чтобы такое превращение имело место. Либо играйте по правилам той страны, куда вы приехали, либо не приезжайте.

Есть во Франции район, который носит название **La Côte Basque**, Баскский берег, со столицей Байон, с моим нежно любимым Биаррицем и совершенно изумительным Сан-Жан де Люзем (недаром именно там женился Людовик XIV). Там живут баски, народ столь же древний, сколь и таинственный. Неизвестно, откуда они взялись, неизвестно, откуда взялся их язык, хотя он чуть ли не единственный в Европе, который не имеет индоевропейского начала. Каким образом сей древнейший народ не только не исчез с лица земли, но к тому же сохранил свой язык, – совершеннейшая загадка. Так вот, всего имеется семь «баскских стран», четыре на территории Испании, три – во Франции. Количество басков в Испании переваливает за два миллиона, тогда как басков во Франции не более трехсот тысяч. Но это не главная, не принципиальная разница: баски Испании жаждут независимости, баски Испании создали террористическую организацию ЭТА, которая под лозунгом свободы и независимости пролила немало крови. Баски же Франции не возражают против независимости, но совершенно к ней не стремятся.

Цыганская свадьба, попавшаяся нам где-то во Франции

Вот мы с Иваном, будучи в Байоне, заходим в бар месье и мадам Эррамур. Они – баски. Люди приветливые, улыбчивые, радушные. Налили нам выпить – что-то сугубо баскское и вполне вкусное (баски выпивать любят, говорят нам хозяева). Разговариваем о том о сем. Спрашиваю:

– Не хотели бы вы отделиться от Франции?

Они смотрят на меня, будто я с луны свалился.

– Ну, я имею в виду, не хочется ли вам независимости, как вашим братьям, живущим по ту сторону Пиренеев?

Они прямо замахали руками:

– Что вы, месье, что вы, нам хорошо во Франции!

Если вам подумалось, что они перепугались, не стали говорить с иностранными журналистами, успокойтесь: баски вообще ничего и никого не боятся. Факт остается фактом: баски Франции совершенно не стремятся к созданию независимого баскского государства. И этим принципиально отличаются от своих испанских братьев. Я нахожу этому лишь одно объяснение: во Франции басков никогда не притесняли, не пытались заставить их жить «на французский манер» или принимать католицизм, в отличие от Испании.

Чувствуют ли себя баски Франции французами? Не думаю. Чувствуют ли они себя дома во Франции? Безусловно. Парадокс?

Глава 5

«Русская» Франция

Тема это особая и имеющая долгую историю. Но хотел бы сразу сообщить, что, согласно последней переписи, во Франции проживают всего лишь около ста пятидесяти тысяч выходцев из России, что значительно меньше, чем в США. Там их более двух миллионов.

Километрах в пятидесяти к северу от Парижа находится город Санлис. Город маленький и древний. Здесь еще в X веке жили короли Франции династии Каролингов, а затем Капетингов. Множество памятников и руин, узенькие средневековые улочки, словом, довольно типичный французский городок. Мы не отправились сюда, если бы не статуя в соборе XI века: на довольно высоком постаменте стоит женщина, на голове – корона, в правой руке – скипетр, увенчанный лилией, в согнутой левой руке – модель собора. На постаменте написано: **Anne de Kiev, Reine de France. Elle fonda cette maison sous le vocable de St. Vincent l'an du seigneur 1060**, что значит: «Анна Киевская, Королева Франции. Она создала этот дом под патронажем св. Винсента в 1060 году». Статуя относится к XVI веку, так что о реальной внешности Анны судить невозможно, но она, надо полагать, была и красавицей, и умницей. Вряд ли иначе Генрих I, овдовевший король Франции, выбрал бы именно ее. Вряд ли он позволял бы ей подписывать королевские указы наравне с собой. Кстати, Генрих, как и почти весь его двор, писать не умел и расписывался, ставя букву «х»; Анна же расписывалась так: **Anna Reine**, то есть «Анна Королева». Когда ее привезли в Реймс на коронацию, она настояла на том, чтобы произнести клятву на своем, привезенном ею из Киева Евангелие. Впоследствии в течение нескольких веков все короли Франции клялись именно на этой книге, которую считали таинственной, поскольку не могли прочесть в ней ни одного слова. Тайна была нарушена Петром I: когда он приехал в Реймс и ему показали книгу, он стал читать ее безо всякого труда, поскольку написана она была на старославянском. «Реймское Евангелие» хранится сегодня в Лувре.

История, о которой я только что поведал, произошла во второй половине XI века. Это было время, когда браки между русскими и западноевропейскими феодалами были в порядке вещей: три сестры Анны вышли замуж за датского, английского и венгерского принцев. Связи между Русью и Западной Европой бурно развивались. Этому положило конец татаро-монгольское нашествие, изолировавшее Россию от мира на два с небольшим века. По сути дела, связи с Францией возобновились только в XVIII веке, сначала при Петре, затем весьма бурно при Елизавете Петровне и, извините за выражение, на полную катушку – при Екатерине II.

В высших светских кругах России французский язык, французская мода становятся обязательными. А во Франции... во Франции происходит нечто удивительное. Нет, не подумайте, что модными становятся русский язык или русская кухня, модными становятся *русские*. Вот вам пример: в 1760 году Вольтер пишет поэму «Русский в Париже», в которой речь идет о некоем Иване Атлетове. И оказывается, что этот русский – единственный человек, кто во Франции еще сохранил истинно французскую культуру. Он образован, благороден, умен. Но этого мало: Россия выгодно отличается от Франции, потерявшей свое величие при Людовике XV (по Вольтеру). Во Франции стало так плохо, что Иван Атлетов жить там больше не хочет, он принимает решение вернуться на родину... но умирает в Париже.

Русские же о Франции пишут... разное. Даже очень разное. Вот некоторые отрывки из писем Дениса Ивановича Фонвизина к своей сестре, в которых он делится впечатлениями о Франции:

«Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко... Господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем. Спору нет, что много в ней доброго, но не знаю, не больше ли худого».

И еще некоторые высказывания автора «Недоросля»: «...на скотном дворе у нашего доброго помещика чистоты гораздо больше, нежели пред самыми дворцами французских королей... рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его жела-

ний... Обман почитается у них правом разума. По всеобщему их образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть – глупо. Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть, хотя в самой безделице. Божество его – деньги... Лион стоит того, чтобы его видеть. Описав его добрую сторону, надобно сказать и о худой. Во-первых, надлежит зажать нос, въезжая в Лион, точно так же как и во всякий французский город. Улицы так узки, что самая большая не годится в наши переулки, и содержатся скверно... Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они... Правду сказать, народ здешний с природы весьма скотиноват... Белье столовое во всей Франции так мерзко, что у знатных праздничное несравненно хуже того, которое у нас в бедных домах в будни подается... Вообще заметить надобно, что нет такого глупого дела или глупого правила, которому бы француз тотчас не сказал резона... Я думаю, нет в свете нации легчевернее и безрассуднее... По точном рассмотрении вижу только две вещи, кои привлекают сюда чужестранцев в таком множестве: *спектакли* и – с позволения сказать – *девки*...»

По сути дела, Денис Иванович не нашел во Франции почти ничего хорошего, и даже то хорошее, что обнаружил, сумел вывернуть таким образом, что оно стало плохим (например, увлечение женщин модой).

Спустя тринадцать лет такое же путешествие по Франции совершил будущий великий русский историк Николай Михайлович Карамзин. Если сравнить его впечатления с впечатлениями Фонвизина, то покажется, что они были в совсем разных странах. Посудите сами: Франция – «прекраснейшее на свете государство, прекраснейшее по своему климату, своим произведениям, своим жителям, своим искусствам и художествам». И еще: «Скажу: огонь, воздух – характер французов описан. Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее...»

Не стану докучать вам цитатами из подробнейших и длиннейших описаний Парижа Карамзиным, равно как и цитатами из произведений других русских писателей. Прошу лишь верить мне на слово, что нет, насколько я могу судить, ни одного значительного русского писателя XVIII–XIX веков, который не высказывался бы о Франции и французах, причем в гораздо большем объеме, чем о любой другой европейской стране. Не берусь объяснить, почему именно Франция оказалась для русских самой притягательной страной Европы, но то, что это так, несомненно. Возможно, точнее будет сказать, что так было вплоть до первой четверти прошлого века: значительное большинство тех, кто бежал от большевиков, бежали во Францию – так называемая «первая волна» эмиграции. Куда бежали те, кто уходил с оккупированных территориях вместе с отступающей германской армией в 1944 году («вторая волна»), сказать трудно, но представляется, что большей частью эти люди оказывались в Южной Америке. Что до «третьей волны», которая берет свое начало в 1972 году (в результате договоренности между Л.И. Брежневым, тогдашним Генеральным секретарем ЦК КПСС, и Президентом США Р. Никсоном), то она хлынула в Израиль и США. После распада СССР, когда стало гораздо проще с выездами, эмиграция шла в основном в США, Германию и Великобританию, Франция в этом смысле перестала манить русских. Очевидно, это объясняется как экономическими причинами, так и тем, что французский язык и французская культура перестали для русских считаться эталонами. Тем более что эталонами-то они были для дворян и интеллигенции, коих в России по сути дела к середине прошлого века не стало вовсе.

Конечно, есть свежеиспеченные русские иммигранты во Франции, но они встречаются довольно редко. Прямых же потомков представителей «первой волны» все меньше и меньше, поскольку самым «молодым» из них, как правило, за восемьдесят.

Мы в своем путешествии хотели присмотреться к «русской» Франции. Но, присмотревшись, убедились в том, что исчезли последние «белые» беженцы, а их дети и тем более внуки совершенно «офранцузились». Многие из них продолжают говорить на русском языке, но гораздо хуже, чем на французском. В своих манерах, в способе жить, в общении они, конечно,

французы. Я довольно хорошо знаю этих людей, поскольку среди них рос. Мой отец и две его сестры уехали с родителями из советской России в 1922 году, уехали сначала в Берлин, а затем, тремя годами спустя, в Париж. Все в круге их близких друзей, да и приятелей были такими же иммигрантами, как и они сами. Тогда, будучи ребенком, я воспринимал их с любопытством – они то и дело говорили на совершенно непонятном мне языке, а когда говорили по-французски, то с заметным акцентом. Лишь гораздо позже я стал понимать, что отличало этих людей от советской и постсоветской эмиграции. Это была их любовь к России. Я никогда не слышал, чтобы они последними словами поносили свою родину, я никогда не видел, чтобы они позволили кому-либо ругать Россию в своем присутствии, наконец, они превосходно говорили по-русски до самой своей смерти и добивались того, чтобы их дети тоже говорили на русском языке.

То, что эмигранты нынешние плохо говорят по-русски, очевидно и понятно: они не аристократы по происхождению, они, в своем подавляющем большинстве, не представители русской интеллигенции, они... ну, как бы это сказать... мещане. Но дело не в том, что они куда хуже владеют своим родным языком, чем та эмиграция, о которой я говорю, они не любят ни свой язык, ни страну, где они родились, и часто – хотя не всегда – делают все, чтобы их дети вообще не умели говорить по-русски.

Возвращаясь, однако, к тому, о чем я писал. Нам не удалось найти во Франции какое-либо «русское сообщество» – не то, чтобы хоть чем-то напоминающее район Брайтон-бич в Бруклине, или то, которое время от времени собирается в Сан-Франциско, но вообще какое-либо. Хотя...

Была встреча с оркестром балалаечников в Париже – человек тридцать или сорок. Почти все они внуки и внучки той, «первой волны». Почти все они говорят по-русски – кто лучше, кто хуже, но говорят. По сути, на вопрос: «Кем вы себя считаете, русским или французом?» – многие отвечают, что «русским – по душе», некоторые – «русским французом», и это, наверное, довольно точно, однако по сути дела они конечно же французы.

Остались в памяти еще три встречи – и все они с оттенком печали. Первая была с Ниной Владимировной Гейтс, женщиной престарелой, привезенной во Францию родителями, когда она еще была совсем девочкой, всю жизнь прожившей в Ницце и ныне доживающей свой век в доме для престарелых. Говорила она на чистейшем и красивом русском языке, чуть презрительно высказывалась о новой, «советской», эмиграции, «с которой мы не общаемся». Когда я спросил почему, она немного зло хохотнула и в свою очередь спросила:

– А вы американец?

На мой вопрос, почему она так считает, Нина Владимировна ответила:

– Только американец может задать такой прямой и глупый вопрос.

Чем-то она напомнила мне мою тетю, Викторию Александровну, младшую сестру моего отца, – та же резкость, то же презрительно-снисходительное отношение к «советской» эмиграции. Виктория Александровна, или Тото, как звали ее близкие, так и не очень, умерла в возрасте девяноста шести лет, года три тому назад, умерла в полном одиночестве – все ее друзья-приятели, такие же «бывшие» русские, давно ушли из этой жизни. То же можно сказать о Нине Владимировне. Она словно музейный экспонат, или точнее, один из самых последних представителей вымирающего вида. У этих людей нет потомства; вернее, оно есть, но оно родилось и росло в совершенно иных условиях, в других традициях, и оно принципиально отличается от своих родителей.

Вот, например, сын Нины Владимировны, Иван Булгаков, он же отец Иоанн, приход которого расположен под Марселем. Превосходно говорит по-русски, хотя родился и вырос во Франции. Сочетает юридическую практику с богослужением. Приход убогий, навеивает тоску. При упоминании о Русской православной церкви отец Иоанн морщится, а затем говорит о

своем с ней конфликте, суть которого в том, что РПЦ пытается «заграбастать» все православные храмы, находящиеся во Франции.

– Будем сопротивляться до конца, – говорит священник-юрист, – не хотим быть под Москвою, не верим им.

И в общем, это довольно типично для представителей «первой волны» и их детей. Для них Россия сегодняшняя все еще остается советской, они относятся к ней с неприязнью – правда, не все.

Недалеко от Биаррица, в деревушке Бегио, находится дом Александра Николаевича де ла Серда, почетного вице-консула России в Биаррице. Рода он древнейшего, испанского, о чем он непременно вам расскажет, красиво грацируя и говоря на явно «дореволюционном» языке. Он гордится своим консульским званием, принимая его совершенно серьезно, даже трогательно. Считает своим долгом встречать «высоких гостей», в особых случаях быть их гидом по Биаррицу. Видел я его раза четыре или пять, он всегда был тщательно одет, с неизменным шелковым нашейным платком, с прямым, как стрела, пробором. Были мы у него дома, где он угощал нас вином собственного бордоского виноградника, показывал фотографии «тетушки» Зинаиды Гиппиус и «дядьки» Мережковского, но при этом я не мог избавиться от ощущения какой-то печали, ощущения того, что у человека главное – это прошлое, прошлое громкое и славное, прошлое, которое у него дома висит на стенах, стоит на полках, все время напоминает о себе. У Александра Николаевича жена по-русски не знает ни слова. Есть у него дети или нет, неважно: уйдет из жизни Александр Николаевич – и на этом испано-русский род де ла Серда закончится, уйдет навсегда эпоха. У меня от понимания этого щемит сердце.

Вдруг в голову пришла вот такая мысль. Еще до всяких «волн», в самом конце XIX века и сразу после 1905 года, из России бежали противники царизма, и среди них был очень большой процент евреев, что не странно, учитывая антисемитизм царской России и вовлеченность многих евреев в революционное движение. Они-то стремились не во Францию, за которой еще со времен печально известного «дела Дрейфуса» закрепились репутация страны антисемитской, они стремились главным образом в Америку. А от большевиков и революции 1917 года спасались в основном русские – и они бежали во Францию. Когда после почти шести десятилетий советской власти чуть приоткрылась эмиграционная дверь, ею могли воспользоваться только евреи – и снова поток пошел не во Францию, а в Израиль и Америку.

Прав я или нет, не знаю, но, как мне кажется, в этом что-то есть.

Глава 6

О «носах», питье и еде

Бесспорно, самый знаменитый, самый воспетый нос не только во французской, но и в мировой литературе принадлежал бесстрашному, безупречному, бессмертному гасконцу Сирано де Бержераку, сказавшему: «Большой нос есть признак человека приветливого, доброго, куртуазного, остроумного, отважного, каким являюсь я».

Но есть и другой нос, который следует заключать в кавычки: «нос». Это не та часть лица, которая выдается над всеми остальными его частями, у кого больше, у кого меньше. «Нос» – это человек, да не просто человек, а такой, который, обладая тончайшим обонянием, различая сотни, а то и тысячи оттенков запахов, словно композитор музыку, сочиняет духи.

Надо ли доказывать, например, что лучший джаз в мире – американский, что самую лучшую пасту в мире делают в Италии? Точно так же нет необходимости доказывать, что лучшие духи в мире – французские. И родина их – город Грасс, куда мы и поехали в поисках «носов».

Вот что пишет о Грассе в своей знаменитой книге «Парфюмер» Патрик Зюскинд:

«...Этот город слишком часто подвергался захвату и снова высвобождался, он словно устал оказывать серьезное сопротивление будущим вторжениям – но не по слабости, а по небрежности или даже из-за ощущения своей силы. Он как будто не желал тщеславиться. Он владел большой ароматной чашей, благоухавшей у его ног, и, казалось, этим довольствовался. Этот городок назывался Грасс и вот уже несколько столетий считался бесспорной столицей

торговли и производства ароматических веществ, парфюмерных товаров, туалетного мыла и масел... Рим ароматов...»

Рим упомянут не случайно. Парфюмерная страсть римских завоевателей задела душу древних галлов-варваров, но они по-настоящему открыли для себя волшебство драгоценных ароматов гораздо позже, уже став французами, в связи с Крестовым походом Людовика Святого в XIII веке.

Софи Лаббе, «нос» парфюмерной компании IFF

Первое название духов, дошедшее до нас, относится к 1367 году: «Вода венгерской королевы». Как гласит легенда, королева получила рецепт приготовления духов не то от монаха-отшельника, не то от человека, владевшего черной магией.

Парфюмерное производство стало развиваться в Грассе в XVI веке, когда сюда из Италии переселились ремесленники, изготавливавшие кожаные перчатки. Надо вам сказать, что натуральная, ничем не обработанная кожа пахнет... ну, скажем, не лучшим образом. Этот запах пытались убивать, втирая в перчатки летучие ароматы мимозы, нарциссов, туберозы, лаванды, фиалок, цикламенов, апельсинов, вербены и жасмина – и все тщетно. Но вот одному умельцу удалось-таки убить чудовищный «кожаный запах», втирая в перчатки эфирные масла различных трав и цветов. Это было в Грассе, и именно в Грассе родилась и рождается европейская – а значит, мировая – парфюмерная мода.

Вы помните возмущенные комментарии русских писателей XVIII–XIX веков по поводу того, как во Франции все... уж извините, воняло. Отчасти это объяснялось отсутствием канализации, тем, что на улицы выбрасывали все нечистоты. Кроме того, люди не мылись. Нет, речь не о простолюдинах, речь о самых что ни на есть изысканных аристократах. И они-то обливались не водой, а духами, чтобы отбить запах собственного немытого тела. Дворец короля Людовика XV стали называть «ароматным дворцом»: духами было пропитано буквально все – и одежда придворных, и мебель.

Одно из главных открытий XVIII столетия – одеколон, составленный из смеси розмарина, бергамота и лимона, его добавляли в ванну, им полоскали рот, его использовали для... клизмы!

Никакие потрясения не могли повлиять на все растущую популярность духов, в том числе Французская революция, во времена которой были выпущены духи **Parfum à la Guillotine** – «Духи гильотины».

Кстати, об одеколоне: название «туалетная вода» было дано Наполеоном. Когда он находился в ссылке на острове Св. Елены, он придумал собственный рецепт одеколона с добавлением бергамота и назвал его туалетной водой.

Но вернемся в Грасс. Там я встретился с Жозефом Мюллем – нет, он не «нос», он заведует полями, на которых растут розы и жасмин, являющиеся основой самых знаменитых духов в мире – «Шанель № 5». Он – потомственный крестьянин, коренастый, простоватый (но не прост!), с натруженными руками и обветренным лицом.

– Я уж не знаю, в каком поколении я на земле, – говорит он. – Все мои предки были крестьянами, но дело это трудное, конкурентное, особенно оно стало таким, когда стали возникать агропромышленные комплексы. Не знаю, как бы мы выжили, если бы не потребность духов в цветах, в розах и жасмине. Мы сообразили это довольно рано, мы стали эксклюзивными поставщиками для дома «Шанель». Наши розы – особые. Даже не розы, а земля. Такие розы растут в других странах, например в Индии. Но пахнут они иначе. Нигде в мире нет таких роз.

На самом деле розы неказистые. Растут они на кустах целыми гроздьями, вид имеют самый обыкновенный, но запах... Самое важное – это успеть собрать их в тот момент, когда они созревают – увядшая роза никуда не годится. Собирают их мешками, я был свидетелем того, как сборщики-иммигранты (французы такой черной работой не занимаются), защищенные от палящего солнца широченными шляпами и укрытые свободной одеждой, собирают розы. Работа не из легких. Удивительно то, что все делается по старинке: никаких тебе современных машин-автоматов, весь процесс – от сбора до получения той основы, из которой потом сделают духи, – ручную.

Я спрашиваю господина Мюлля:

– Сколько надо собрать розовых лепестков, чтобы получить один литр розового масла?

– Восемь тонн.

– Почему вы все делаете по старинке?

Он улыбается хитрой улыбкой и отвечает, чуть наклонившись и понизив голос, будто делится со мной секретом:

– Месье, потому что по старинке, как вы изволите выражаться, получается лучше. Конечно, если вы стремитесь к массовому производству, вам нужны современные машины. Но если ваш сектор – люкс, то вы все делаете по старинке, руками. В нашей области никакая сверхсовременная машина не заменит человека. Попробуйте создать машину, которая заменит «носа» и создаст новые «Шанель № 5». Не получится, месье, не получится.

Эти духи – «Шанель № 5» – имеют историю, которую следует рассказать. Появились они в 1921 году. За год до этого мадемуазель Габриэль Коко Шанель, будучи в Биаррице, познакомилась с великим князем Дмитрием Павловичем Романовым. Она была на одиннадцать лет старше него – ей было тридцать семь, ему двадцать шесть. Вообще говоря, ситуация вполне классическая. Великий князь влюбился до потери сознания, а мадемуазель Шанель была к нему благосклонна. Как-то Дмитрий Павлович представил ее придворному парфюмеру семьи Романовых – Эрнесту Бо, который в то время работал в Грассе. Это знакомство и навело Коко Шанель на мысль создать свои духи. В то время духи основывались на натуральных цветочных эссенциях и быстро испарялись после открытия флакона. Духи «Шанель № 5» были составлены из восьмидесяти различных ингредиентов, что придавало им стойкость. Эрнест Бо работал над духами несколько месяцев, пока Коко Шанель не нашла ту композицию ароматов, которая ее устроила. Это произошло так: Бо поставил перед ней несколько флакончиков на пробу, на каждом был наклеен номер. Больше других ей понравился флакон с номером «5» – откуда и произошло название духов.

Эти духи принесли Коко Шанель всемирную славу и полную финансовую независимость до конца ее жизни. Не было ни одной знаменитой и привлекательной в мире женщины, которая не пользовалась бы ими. Самая знаменитая из всех, Мерилин Монро, в ответ на вопрос

репортера: «В чем вы спите?» – ответила: «В «Шанеле № 5», конечно», что произвело фурор. После этого всего за пару дней было продано несколько миллионов флаконов духов.

Итак, Грасс. Вокруг него сосредоточены около сорока парфюмерных фабрик, работающих на различные бренды, в частности на бренд «Фрагонар», который гордится тем, что вся их косметика делается полностью на натуральной основе – из сотен прованских цветов и трав. У «Фрагонара» имеется лаборатория запахов, где работает «нос». В этой лаборатории побывал ваш покорный слуга.

Сбор лепестков роз под Грассом

Стол, за которым сидит и «сочиняет» запахи «нос», называется «оргАн» парфюмера. «Нос» сидит лицом к трем или четырем возвышающимся друг над другом рядам с сотнями колбочек «чистых запахов». Верхний ряд называется верхним регистром, средний – средним и нижний – нижним регистром, а каждая колбочка называется «нотой». «Нос» берет те или иные «ноты», смешивает их в разных пропорциях, составляя таким образом свеобразный «аккорд», из разных же «аккордов» «нос» «сочиняет» «мелодию». Меня пригласили, чтобы я сочинил собственные духи, для чего я должен был приняться к нескольким десяткам флакончиков, отобрать и смешать отобранное... Словом, совершить целый процесс, в результате которого мне был вручен диплом о том, что я успешно сдал экзамен подмастерья. Мило, конечно, но не

более того. Когда я спросил своего мастера, милую женщину лет тридцати пяти, являющуюся главным «носом» «Галимара», сколько она различает запахов, она ответила:

– Около трех с половиной тысяч.

Позже я выяснил, что это, конечно, талант, как, например, абсолютный музыкальный слух. Однако и этому делу надо учиться в специальной школе, а для того, чтобы стать выдающимся «носом», надо не меньше десяти лет теории и практики. Кроме того, я узнал, что таких «носов» в мире сто пятьдесят человек, что сто из них живут и работают во Франции, а пятьдесят – в Грассе. Я имел счастье пообщаться с некоторыми из них.

Софи Лаббэ. Среди «носов» женщин почти что и нет. И это несмотря на то, что доказано: у женщин более тонкое, более чувствительное обоняние, чем у мужчин. В 2005 году Софи Лаббэ выиграла приз Франсуа Коти и стала первой женщиной, получившей эту высшую для «носов» награду. Работает она в компании «Интернешнл Флейворз & Фрейгрансез» (буквально: «Международные вкусы и запахи»), а это значит, что выполняет заказы самых разных фирм. Вообще ею сочинено более тридцати пяти различных духов.

Когда я сидел в ее маленьком парижском офисе, то приглядывался к ее носу – притом настолько пристально, что она рассмеялась и спросила меня, что я предполагал там увидеть. Я, конечно, смутился, даже покраснел, чем еще больше рассмешил ее. Но потом она сказала, что может рассказать мне о чем-то таком, чего почти никто не знает.

– Имеет отношение к носу? – спросил я.

– Вот именно, – ответила она с таинственной улыбкой, отчего сразу стала немного похожей на мою любимую Джоконду.

– Я слушаю вас.

– Так вот, месье, – начала мадам Лаббэ, – вам, вероятно, кажется, что у всех людей – один нос, а на деле их два.

– ???

– Ну, я же сказала вам, что расскажу нечто малоизвестное. Первый нос – это тот, который мы с вами видим и который создан для обоняния. К сожалению, мы из поколения в поколение делаем все, чтобы утратить это чувство – хотя, поверьте мне, оно гораздо сильнее, чем зрение или слух.

– ???

– Ну, подумайте сами: смотрите, что такое обоняние для любого животного: оно чует приближение другого задолго до того, как увидит или услышит. О рыбах я даже не говорю. Если так будет продолжаться, нам нос будет нужен только для того, чтобы вдыхать и выдыхать да чтобы чихать и сморкаться. Так вот, наш первый и всем видимый нос нужен для обоняния вообще, для определения всех запахов. Но внутри этого первого носа есть второй. Не так давно выяснилось, что рядом с обонятельными клетками, внутри ноздрей, есть пятнышко. Путем опытов удалось выяснить, что если «главный» нос обоняет пищевые и прочие запахи, нос второй чует сексуальные. Это запаховые сигналы, которые выделяет человек для противоположного пола. Это очень мощный сигнал, при этом, в отличие от запаха пищи, он сознанием не регистрируется. Этот запах ставит человека на колени.

– ???

– Знаете выражение **coup de foudre**? (Буквально: «удар молнии», что на самом деле по-русски означает любовь с первого взгляда. – В. П.) Молекулы сексуального запаха разносятся в воздухе куда стремительнее любых духов.

– Послушайте, по-русски говорят «любовь с первого взгляда», а надо, выходит, говорить «любовь с первого запаха»?

– Именно так!

– Означает ли это, что можно сочинить этот запах?

– Ну, об этом лучше всех написал Зюскинд в «Парфюмере», но на самом деле это невозможно, потому что речь идет о конкретном запахе конкретного человека – и заметьте, нет двух одинаковых в мире, точно так же, как нет двух идентичных людей, – который действует на второй нос другого конкретного человека. Но вы же понимаете, что основа запаха – это чувственное начало.

– Ну и все-таки, не все влюбляются сразу...

– Разумеется, но запах играет роль, мы привыкаем к нему. И уверяю вас, если запах не нравится, вы этого человека не полюбите никогда...

Много позже, ближе к концу нашей поездки, я вспомнил слова Софи Лаббэ. Это было, когда мы поехали в деревеньку километрах в пятидесяти от Парижа, где живет одна из самых знаменитых, легендарных французских шансонье Жюльет Греко. Мы вошли в ее дом – дверь открыла служанка, – и через минуту-другую вышла к нам Греко. Представьте себе женщину высокого роста, стройную, с совершенно черными волосами, обрамляющими матово-бледное лицо, с которого на тебя смотрят огромные черные глаза. Да еще представьте себе необыкновенно красиво очерченный щедрый рот, и из него выливается голос такой, что начинает кружиться голова. Голос низкий, окрашенный обертонами, голос пленяющий... Я был совершенно сражен, мне казалось, что я полностью в ее власти, я не помню, о чем мы говорили, я только помню эти глаза, этот голос.

Видимо, сработал мой второй нос.

Ей тогда было 82 года.

Встретиться с Софи Лаббэ было делом простым: пара телефонных звонков. А вот встреча с главным «носом» «Шанель» Жаком Польжем потребовала бесконечного числа звонков, ответов на множество вопросов, гарантий и так далее.

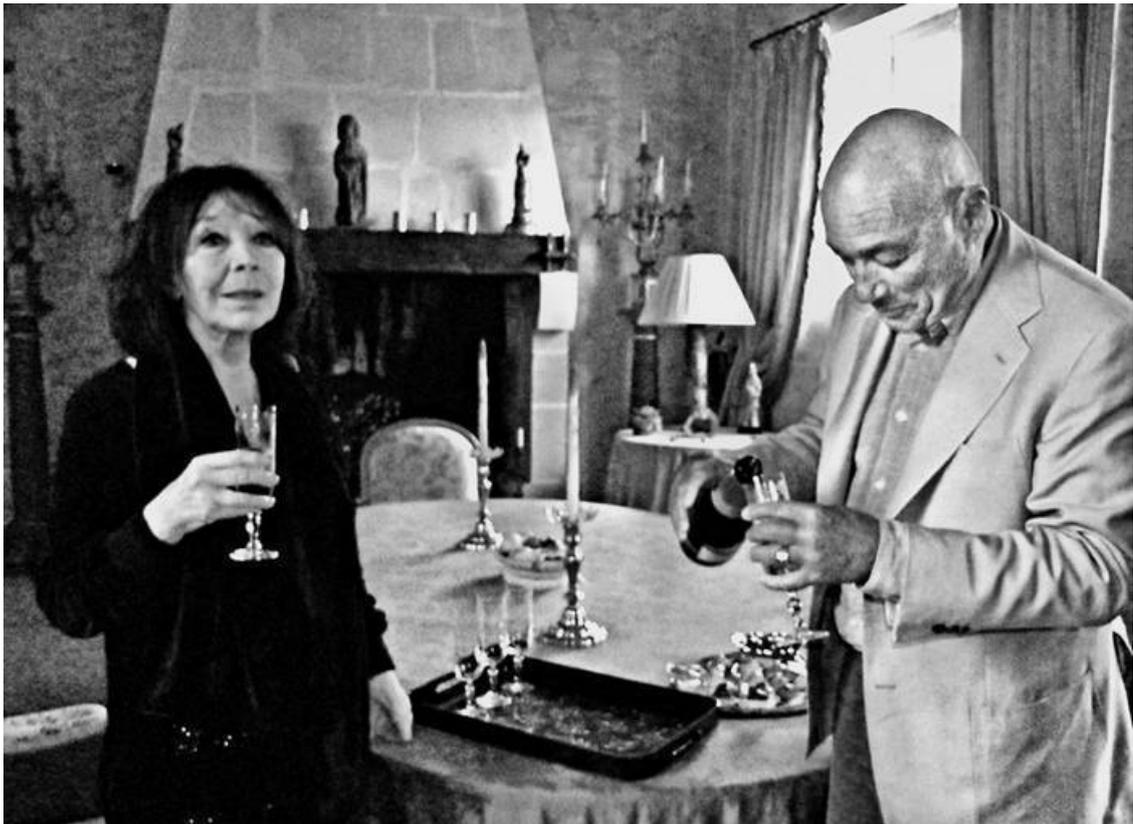
Пока я дошел до самого Польжа, пришлось пройти через несколько рядов людей, оберегающих его покой. Наконец, когда он вошел в кабинет и, поздоровавшись, сел в кресло напротив меня, то и здесь его одного не оставили: за всем следили и все слушали еще двое. Наблюдая за тем, как Польжа охраняют, я вдруг вспомнил истории о первых мастерах фарфора, в частности фарфора Майсен, которых держали взаперти, не давая ни с кем общаться, чтобы они не разболтали секреты производства. Если мне не изменяет память, легенда гласит, что Иван Грозный приказал выколоть глаза строителям храма Василия Блаженного Барме и Постнику, чтобы они никогда не смогли построить ничего подобного. Интересно, а если бы Жак Польж жил несколько веков тому назад да работал бы у Грозного, ему бы отрезали нос, прежде чем отпустить на пенсию?

Мирей Гьяно знает, почему француженки не толстеют

Знаменитый кулинар Аллен Дюкас

Жюльет Греко. Более обаятельной женщины я не встречал

Главный «нос» дома «Шанель» Жак Польж

Жак Польж высок, строен, лысоват, прост, улыбчив и вполне отдает себе отчет в том, что он – главный «нос» фирмы «Шанель», в которой он работает с 1978 года. Он – сочинитель порядка сорока весьма успешных духов. Каким образом стал «носом»?

– Я родился в Провансе, на юге Франции, что и определило мое будущее. Родись я в Париже или на севере Франции, никогда не стал бы «носом». Жили мы в Авиньоне и летом ездили в Грасс и Канны. Знаете, тогда, в моем детстве, эта дорога, Авиньон – Грасс – Канны, была сплошным садом, росли повсюду розы, лаванда, жасмин, апельсины, а когда ты подъезжал к Грассу, то чуял запах духов. Теперь это не так, стали меньше производить, многие поля исчезли. Я не сразу пришел в отрасль, какое-то время занимался английской литературой, тем более что мой отец всячески уговаривал меня не становиться «носом», но против природы не устоишь.

– Что значит для вас быть «носом»?

– Это значит жить в мире прекрасных запахов, создавать прекрасное, делать работу, прекрасней которой нет и быть не может.

Для меня особняком стоит встреча с последним главным «носом» фирмы «Герлен», Жаном-Полем Герленом. Позвольте чуть-чуть истории.

Дом «Герлен» был основан в 1828 году Пьером-Франсуа Герленом, который достиг пика своей славы, когда он создал **Eau de Cologne Impériale** в 1853 году, за что получил титул официального парфюмера Его Королевского Величества. После его смерти дела перешли в руки двух его сыновей: Габриэля, который занимался бизнесом, и Эйме, который стал вторым главным «носом» и создателем многих знаменитых духов, среди которых самые знаменитые и по сей день пользующиеся успехом были «Жики» (1889). С течением времени дом «Герлен» перешел в руки двух сыновей Габриэля, Пьера и Жака. Жак стал третьим главным «носом» и прославился духами «Митсуко» (1919) – самыми любимыми духами моей мамы.

Четвертым главным «носом» из семьи Герлен стал внук Жака, Жан-Поль, сочинитель, среди прочих, духов «Самсара». Детей у него не было, поэтому он стал последним главным «носом» из семьи Герлен. С ним-то я и встретился в главном магазине «Герлен», что стоит на Елисейских Полях.

Ему тогда было около семидесяти лет, хотя он казался старше. Одет он был строго и торжественно, говорил медленно и мало, но от него веяло силой, основательностью, властью.

– Я, знаете ли, родился подслеповатым – очень плохо видел. Настолько плохо, что не мог ничего читать. Не мог ходить в школу, в общем, бездельничал. В один прекрасный день мой дед Жак сказал моему отцу: «Отдай его мне, я что-нибудь с ним придумаю». Вот меня отдали. Дед стал мне давать разные склянки с запахами, потом отвел меня в комнату, посадил и сказал: «Будешь учиться различать запахи. Каждый день будешь запоминать сто новых запахов, буду проверять тебя, посмотрим, какой из тебя выйдет толк». Вот так получилось.

– Скажите, месье Герлен, «нос» – это особый талант или этому может научиться любой человек?

Он пожал плечами, чуть брезгливо улыбнулся и ответил:

– Нос есть у всякого человека, его надо только разработать.

Помолчал и иронично добавил:

– Конечно, быть слепым помогает.

Этот разговор происходил в октябре 2009 года. Ровно через год, рассказывая для телевизионной компании «Си-Эн-Эн» о том, как он создавал духи «Самсара», Жан-Поль позволил себе выразиться неполиткорректно:

– Я наконец-то стал вкалывать как негр. Я не знаю, впрочем, так ли много вкалывали негры...

Скандал разразился грандиозный – как в Америке, так и во Франции. Старику пришлось публично извиниться, что, думаю, далось ему нелегко. Уж больно горд.

О французской кухне написано столько, что я вряд ли могу что-либо добавить. Поэтому я ограничусь лишь некоторыми наблюдениями, но при этом хочу вас предупредить: я родился в Париже, моя мама была француженкой, она замечательно готовила, привив мне и моему младшему брату Павлу и вкус к хорошей еде, и привычку есть три раза в день, но не кусочничать в течение дня, и ко многому другому. Недаром и Павел и я любим и умеем готовить, недаром мы с ним в честь нашей мамы открыли в Москве брассери «Жеральдин». Сообщаю все это для того лишь, чтобы затем признаться в своей предвзятости. По мне, существуют две великие и противопоставленные друг другу кухни: французская и китайская. Противопоставление заключается в том, что французская кухня исходит из того, что вы, глядя на поданное вам блюдо и пробуя его на вкус, должны сразу же понять, что именно вам подали. Китайская кухня, напротив, исходит из убеждения, что, глядя на блюдо и пробуя его, вы ни за что не можете угадать, из чего оно, это блюдо, состоит.

По утонченности, по разнообразию, по превосходным вкусовым ощущениям эти две кухни не знают себе равных. Вы мне возразите: «А мне больше нравится итальянская кухня!» На здоровье. Но позвольте вам заметить, что оттого, что вам, например, больше нравится автомобиль «Лада», чем автомобиль «Ауди», вряд ли можно сделать вывод, что российская автомобильная промышленность лучше немецкой...

Теперь некоторые общие замечания.

Во-первых, еда для француза – это прежде всего удовольствие и только потом способ утоления голода.

Во-вторых, за едой француз не спешит; недаром во Франции обеденный перерыв длится два часа.

В-третьих, для француза назвать закуску, основное блюдо и десерт «первым», «вторым» и «третьим» – несомненный признак варварства.

И наконец, ни один француз не *думает*, что его кухня лучшая в мире, он это *знает*. Поэтому в ответ на все ваши возражения он не станет спорить, а лишь с сожалением и некоторым состраданием к вам улыбнется.

Что ж, начнем, пожалуй.

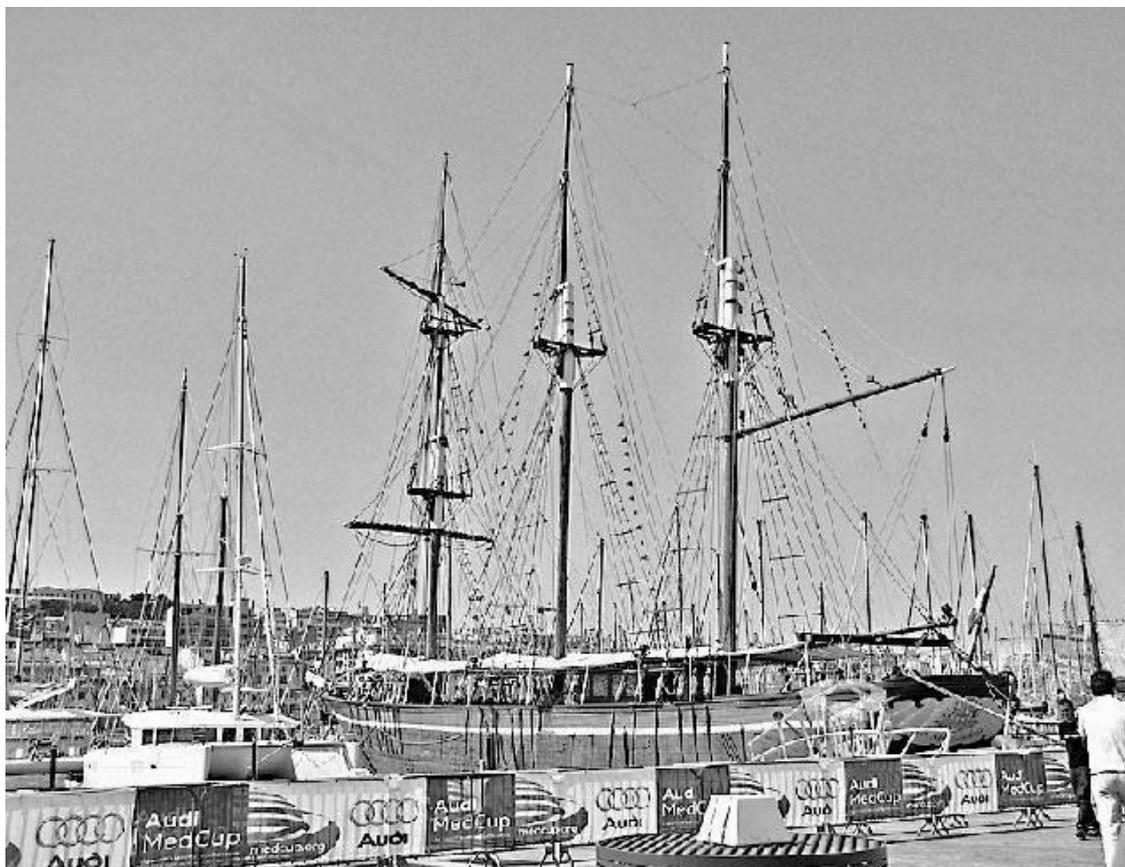
МАРСЕЛЬ. Ресторан «У Фонфона» (никакого отношения к Фанфану-тюльпану не имеет). Расположился в уголке рыбацкого порта в старом городе. Каждый день к небольшому причалу подплывают рыбацкие лодки со свежим уловом. Далее следует отбор рыбы. А далее, если вы что-нибудь понимаете, вы заказываете буйабес. Говоря попросту, это рыбный суп. Но вы ведь не станете называть тройную уху обыкновенным «супом из рыбы», ведь так? Марсель – родина буйабеса, его готовят в каждом доме, у каждой семьи свой рецепт (конечно, самый лучший из всех!).

Я воздержусь от того, чтобы предлагать здесь рецепт, скажу лишь, что изумительный вкус буйабеса зависит от: а) прованских трав и специй, б) пород и, разумеется, свежести рыбы, в) качества овощей, г) сорта хлеба и д) умения повара приготовить соус с не слишком гастрономическим названием «ржавчина».

Марсель основан ок. 600 г. до н. э. фокейцами – греками из Малой Азии – и назывался тогда «Массалия».

По легенде история города началась как история любви Жиптис, дочери короля Нана племени лигурийцев, и грека Протиса: греки высадились на берег Прованса в тот момент, когда король Нан выдавал замуж свою дочь. Для этого

он созвал пир, на котором Жиптис выбрала бы себе жениха. Именно греку Протису протянула она свой кубок с вином. В качестве свадебного подарка молодые получили часть побережья, на котором и основали город, названный Массилия.

Марсель

Марсель. Входная дверь

Рыбный рынок

*Типичная жительница Марселя. Говорлива, страстна, смешлива.
Словом – одесситка*

Вкусен ли буйабес «У Фонфона»? Слово «вкусно» не подходит. Вы язык проглотите. С каждой ложкой внутри вас будет разливаться пение, сначала тихое, будто играет лишь один инструмент, а потом все громче, пока вас изнутри не охватит звучание большого симфонического оркестра.

ЛИОН. Скажу вам напрямик: в Лион мы приехали из-за величайшего шеф-повара Поля Бокюза. Ну, то, что у него три мишленовские звезды, знают все. То, что им учрежден приз «Золотой Бокюз», который считается Нобелевской премией для шеф-поваров, знают многие. То, что в 1989 году он был избран «Шеф-поваром века», что им изобретен всемирно известный «трюфельный суп», что он является основоположником так называемой «новой кухни», которая отличается от haute cuisine меньшими порциями, пониженной калорийностью и свежайшими ингредиентами наивысшего качества, тоже не секрет.

А вот кто знает, что у Поля Бокюза есть феноменальная коллекция старинных музыкальных инструментов, среди которых особенно выделяется механический орган, играющий самые разнообразные произведения, в том числе гимны многих стран? А кто знает, что Бокюз обладает тончайшим чувством юмора, а это значит, что умеет шутить без тени улыбки. Примеры? Пожалуйста:

– Месье Бокюз, а чем вы объясняете то, что Лион, а не Париж является сердцем кулинарии и гастрономии Франции?

– Дело в том, месье, что Лион превосходно расположен. У нас две полноводные реки со множеством рыбы, рядом долина Роны с ее великими винами, здесь же плодородные земли, дающие великолепные овощи и фрукты, к тому же Лион находится на перекрестке всех главных дорог, и теперь благодаря ТЖВ Париж всего в двух с половиной часах езды, то есть Париж стал пригородом Лиона.

На кухне в ресторане Бокюза, над входом, висит табличка. Она гласит: «На кухне – тишина!»

– Месье Бокюз, почему эта табличка висит у вас на кухне?

Он пристально и без тени улыбки смотрит мне в глаза и отвечает:

– Я не люблю шум.

Вообще я счастлив, что встретился с Полем Бокюзом. Поначалу нам сказали, что он себя чувствует не очень хорошо (ему тогда, летом 2009 года, было восемьдесят три года) и вряд ли сможет встретиться с нами. Это конечно же был удар, но что поделаешь, все равно поехали в его ресторан, который расположен под Лионом в городке Коллонж-о-Мон-д'Ор, где, кстати говоря, Бокюз родился. Приехали, выгрузили аппаратуру и пошли ко входу. Входим – и замерли: нас встречает целая делегация, облаченная в белоснежные поварские одежды. Во главе – мужчина среднего роста, на голове высоченный белый колпак, лицо необыкновенно выразительное: крупный нос, высокие скулы, пронзительные черные глаза, большой, четко очерченный рот. Он делает мне шаг навстречу, протягивает руку и говорит:

– Поль Бокюз.

А потом была феерия. Сначала он повел меня во двор ресторана, на стене которого нарисованы картины из кулинарного прошлого Франции. Тут и шеф-повары, и исторические личности, пользовавшиеся их услугами, от Наполеона до де Голля. Подводя меня к очередной картине, Бокюз объясняет, кто есть кто. На последней картине изображены его дочь, сын, жена и сам Бокюз.

*Знаменитейший и официально признанный лучший кулинар XX века
Поль Бокюз...*

... со своим изображением на фоне дома

– А там, месье, смотрят на меня мои мама и папа, – и он показывает вверх, где на уровне третьего этажа вместо окна виднеется изображение его родителей.

На кухне царит тишина при полнейшей сосредоточенной работе. Трудятся шеф-повары – я насчитал восемь человек, у семерых белые курточки увенчаны невысоким стоячим ворот-

ничком в цветах французского триколора: сине-бело-красный. Далеко не всякий имеет право носить этот воротничок, это знак отличия, которым награждается, как бы сказали мы, отличник своей профессии. На французском это называется **Meilleur ouvrier de France**, что можно перевести как «Лучший рабочий Франции» или «Лучший работник Франции», как вам больше нравится. Так или иначе, но получается, что под началом Бокюза работают семь шеф-поваров высочайшей квалификации.

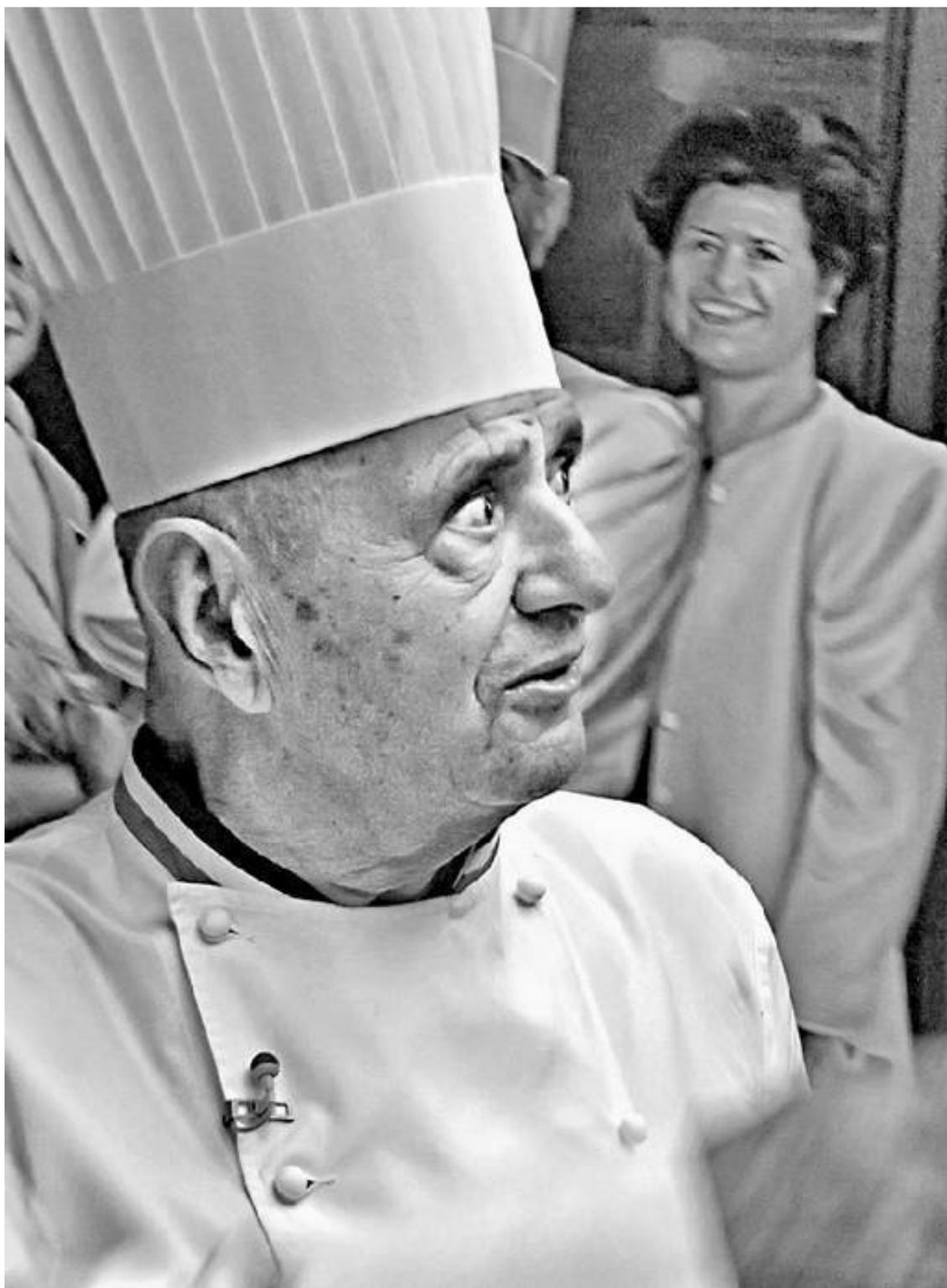
Потом был ужин. Сохранил меню для себя и потомства, предлагаю вашему вниманию:

- суп из черных трюфелей;
- поджаренный утиный фуа-гра;
- спаржа под соусом божолэ;
- телячьи ребрышки, сваренные в кокотке;
- голубь, фаршированный капустой и фуа-гра;
- вкусноты и гурманское наслаждение;
- бокал «Мозэ э Шандон брют империал»;
- бутылка «Нюи Сен Жорж лэ Кай 04 – Бушар»;
- вода «Шателдон»;
- вода «Эвиан»;
- эспрессо.

Четыре персоны. Счет – шестьсот шестьдесят три евро. Или сто шестьдесят три евро семьдесят пять центов на человека. Дорого? Да. Вкусно? Впечатление на всю жизнь.

Я вообще не помню точно, что мы ели, помню только чувство открытия, совершеннейшего удивления: вот передо мной лежит на тарелке абсолютно узнаваемая еда, я точно знаю, какой у нее должен быть вкус, я ожидаю, что вкус этот будет очень и очень приятным, но то, что попадает мне в рот, сметает все мои представления о привычном. Я просто замираю, перестаю жевать, чтобы этот вкус никуда не ушел, а Бокюз смотрит на меня и не то спрашивает, не то утверждает:

- Правда, вкусно?

Поль Бокюз и его ресторан

Виды Лиона, сердца французской кулинарии

И, не дожидаясь моего ответа, разворачивается и проходит по своему ресторану, останавливаясь то у одного, то у другого стола, чтобы перекинуться словом с посетителями.

В чем секрет этой кухни?

– Нет, месье, никаких секретов. Надо, чтобы все продукты были совершенно свежими и наивысшего качества. Надо уважать природу, использовать ее по назначению, надо, чтобы человек понимал, что именно он ест, и надо любить готовить.

На следующий день вместе с Дави Тиссо, шеф-поваром гостиницы «Вилла Флорентин», в которой мы остановились, пошли утречком на главный рынок Лиона, на рынок имени... правильно, Поля Бокюза.

Я не могу сказать, что французский рынок поражает неслыханным богатством продуктов по сравнению, например, с Дорогомиловским рынком города Москвы. Но есть некоторые принципиальные отличия. Во-первых, эстетика. Все, что есть, выставлено необыкновенно красиво. Это касается всего, но особенно – и по сравнению с тем, что у нас, – мясных рядов. Во-первых, французы великие мастера по разделке мяса, они действуют не топором, а тончайшими и острейшими ножами, количество различных «срезов» трудно посчитать. Во-вторых, у них нет ни «перекупщиков», ни «посредников» – продает свой товар тот, который его производит, и это касается всего: от обыкновенных овощей до хлебобулочных изделий и всяких колбас. В-третьих – и это вытекает из предыдущего, – человек за прилавком подробно расскажет вам о своем продукте и о том, как лучше его готовить. В-четвертых, разговаривая с этими людьми, ты начинаешь понимать, что они гордятся своим делом, любят его, что разговаривать с вами для них удовольствие.

Бутылка воды «Эвиан»

После того как Тиссо познакомил меня с хозяйкой прилавка колбасных изделий, она подарила мне несколько разных колбас, и я спросил:

– Сколько я должен вам?

Рынок «Поль Бокюз» в Лионе

На что она – женщина лет шестидесяти – ответила:

– Une bise («поцелуйчик»).

Что было тотчас исполнено.

Есть в мире множество видов горчиц, но нет горчицы более знаменитой в мире, чем дижонская. Первое упоминание о ней относится к XII (!) веку. Словом, Дижон считается горчицной столицей мира. Дижон настолько знаменит, что даже удостоился специального анекдота.

Один француз встречает другого.

– Ну, как дела? – спрашивает он.

– Нормально, – отвечает второй, – но, знаешь, мне ночью приснился невероятный сон.

– Расскажи-ка.

– Мне приснилось, будто мне так захотелось горчицы, что я поехал за ней в Дижон!

Представляешь?

– Подумаешь, разве это сон? Вот мне сон приснился просто потрясающий. Я сплю. Вдруг звонок в дверь. Встаю, открываю, а там стоит Брижит Бардо. Ну, я опешил от удивления, а она говорит: «Что вы так удивляетесь, месье, я давно мечтала познакомиться с вами. Можно, я войду?» Ну, я, конечно, ее впустил, а она в шикарной шубе. Вот она говорит: «У вас очень жарко, можно, я сниму шубу?» И сняла. А под шубой у нее нет ничего! Словом, мы провели два совершенно потрясающих часа. Она ушла, я лег и снова заснул. И меня опять будит звонок в дверь. Открываю – а там Джина Лолобриджида. Я снова опешил, а она сразу вошла, скинула шубу... и опять два часа восторга. Она ушла, а я еле ноги волочу. Лег, только заснул – опять звонок в дверь. Я открываю, а там Мерилин Монро. Я говорю: «Мадам, не могу, в другой раз – пожалуйста, но сейчас не могу». А она: «Но как же так, месье, мне так хотелось с вами познакомиться». А я ей: «Извините, не могу». И она ушла.

Приятель ему говорит:

– Ну и сволочь ты, мог бы мне позвонить.

– Так я звонил тебе, но ты уехал в Дижон!

Жена Эрика Аллегре, хозяйина трюфельной фермы, готовит нам обед

Лириан и Жан Луи Шартруль, хозяева фермы, где производят фуа-гра из печени...

... этих гусей

Мэр г. Бона Алэн Стюгено

Здесь делают настоящую дижонскую горчицу

На горчичной фабрике соблюдают строжайшие меры гигиены

Мы в Дижон не поехали, но были рядом, в городе Боне (не путать с немецким Бонном), где посетили горчичную фабрику «Фало». Это было довольно скучное дело, но хозяин предприятия, Марк Дезарменъен, рассказал нам любопытную историю. Оказывается, марка «Дижонская горчица» ничем не защищена, другими словами, вы можете наклеить такую этикетку на свою горчицу независимо от того, где она сделана. Иначе говоря, покупая горчицу, на баночке которой написано «Дижонская горчица», вы, возможно, покупаете продукт, сделанный вовсе не в Дижоне и – что еще хуже – совсем по другой рецептуре и из других продуктов. А вот покупая горчицу «Фало», вы можете быть совершенно уверены в том, что это и есть настоящая дижонская горчица, поскольку марка «Фало» является защищенной торговой

маркой. Господин Дезарменьен, таким образом, провел ликбез и в завершение подарил всей съемочной группе несколько десятков банок разнообразной дижонской горчицы «Фало».

На самой вершине французского кулинарного олимпа в гордом одиночестве стоит Поль Бокюз. Чуть ниже – сонм претендентов, среди которых выделяется Ален Дюкасс. К моменту моей встречи с ним – она происходила в парижской гостинице «Плаза Атенэ», где он держит ресторан, – я уже знал о нем многое. Например, что к своим пятидесяти трем годам он добился феноменальных успехов. Принадлежавшие и принадлежащие ему рестораны суммарно получили девятнадцать мишленовских звезд, что является абсолютным рекордом. Он открыл две кулинарные школы в Париже, одну для профессионалов, другую для всех желающих (мы побывали там и убедились в наличии высококвалифицированных шефов-учителей, самой современной кулинарной техники и великолепной организации всего процесса). Ему принадлежат десятки ресторанов во многих странах.

Должен признаться в том, что изначально я был настроен по отношению к Дюкассу не слишком хорошо. В один из первых дней нашей поездки мы должны были ехать специально из Канн в Монте-Карло, где один из помощников Дюкасса обещал нам встречу с ним. Встреча, однако, не состоялась. После двух или трех часов ожидания нам сообщили, что «к сожалению, месье Дюкасс не приедет, он занят». Вообще в какой-то момент я почувствовал, что Дюкасс уже давно не повар, а бизнесмен, притом весьма успешный. Подтверждением последнего может служить тот факт, что Дюкасс, который родился во Франции и был ее гражданином, не так давно взял гражданство Монако, а поскольку Монако не признает двойного гражданства, Дюкасс автоматически лишился французского. Напомню, что уровень налогообложения в Монако необыкновенно низок...

Но когда-то Дюкасс был шефом. Он учился у великих мастеров, в частности у легендарного владельца и шеф-повара ресторана **Le Moulin de Mougins** («Мельница Мужена») Роже Верже. Договориться с ним о встрече оказалось сложным делом, да и «охраняли» его не слабее Жака Польжа. Но все-таки встреча состоялась.

Мне показалось, что Дюкассу неинтересно говорить о еде, что гастрономия его перестала увлекать. Он смотрел на меня чуть потухшим взглядом, было ощущение, что он спешит куда-то, что он более всего озабочен своей все растущей империей, что Ален Дюкасс это уже не человек, а марка, которую следует писать в кавычках: «Ален Дюкасс».

Самое время поговорить о знаменитых мишленовских звездах. Но и здесь, как почти во всем, что касается Франции, придется начать издалека.

Жили-были два брата, Андрэ и Эдуард Мишлен. И владели они заводом по производству каучуковых изделий в городе Клермон-Ферране. Однажды к ним заехал велосипедист: одна из его шин нуждалась в починке. Как выяснилось, шина «прикипела» к ободу, потребовалось три часа, чтобы ее снять. Далее она должна была сохнуть всю ночь. Утром Эдуард надел и надул шину, сел на велосипед и поехал, шина вновь вышла из строя уже через сотню-другую метров. Что, впрочем, не охладило пыл братьев Мишлен, которые взялись за производство надувных, но не прикипающих шин. Первый патент был взят в 1881 году.

Производство шин стало главным делом братьев Мишлен. Они владели каучуковой плантацией во Вьетнаме, где жесточайшим образом эксплуатировалось местное население. Были стачки, была кровь, но ничто не могло остановить братьев. Сегодня «Мишлен» – крупнейший производитель шин в мире.

Когда в начале прошлого века автомобильная промышленность стала бурно развиваться в Европе, в частности во Франции, братьям – вернее, Андрэ – в голову пришла гениальная мысль: создать гид, из которого автомобилисты могли бы узнать, где ближайшая автозаправка,

мастерская, закусочная, гостиница. Первый номер гида синего цвета вышел в 1900 году, и до 1920-го он раздавался и рассылался бесплатно.

С 1926 года в гиде стали давать рейтинги лучшим ресторанам Франции, отметив их одной, а начиная с ранних тридцатых годов – двумя и тремя звездами. Гид «покраснел» в 1931 году и по сей день называется «Красный гид Мишлен».

В Париже, в музее «Мишлен», я встретился с директором «Красного гида» Жаном-Люком Нарэ.

– Скажите, пожалуйста, каким образом определяется, что ресторан достоин звезды?

– Это, месье, дело сложное и, главное, тайное: мы никому не говорим, из каких слагаемых получается звезда. Могу же рассказать вам, что это результат работы наших инспекторов, людей, прошедших специальное обучение, личности которых хранятся в строжайшем секрете от всех, включая членов семьи.

– А сколько у вас таких инспекторов?

– К сожалению, месье, это тайна. Могу лишь сказать, что ресторанов, как вы понимаете, много, их проверяют регулярно, особенно те, которые так или иначе попадают в наш гид.

– Для чего?

– Для того, чтобы убедиться в том, что они либо не удержались на своем уровне, либо удержались, либо, наконец, превзошли его и достойны второй или третьей звезды.

– Сколько же существует в мире ресторанов с тремя мишленовскими звездами?

– На сегодняшний день (осень 2009 года. – *В. П.*) их сто двадцать семь, в том числе двадцать шесть во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.